

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

**КОМАНДИРЫ
ОХОТСКО-КАМЧАТСКОГО КРАЯ**

СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ

ДЕВИЕР

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович

В22

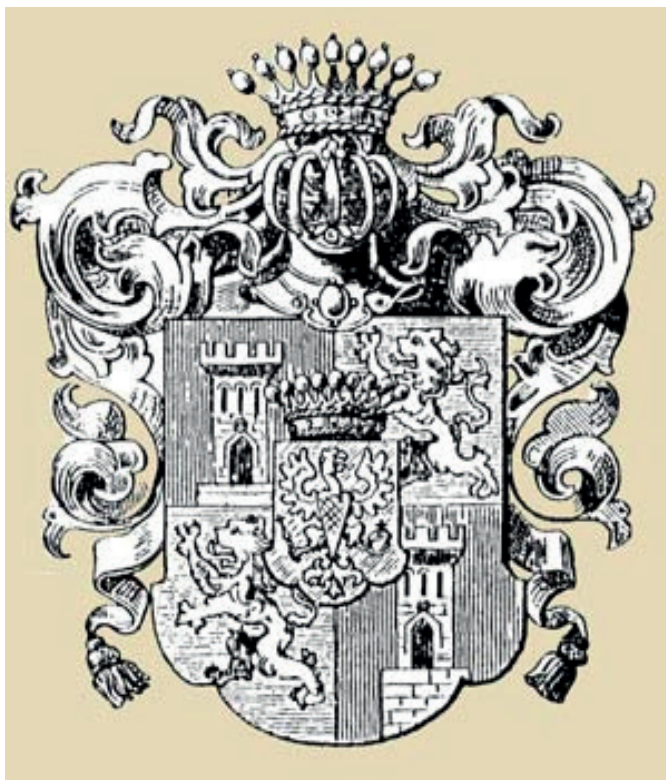
Командиры Охотско-Камчатского края. Скорняков-Писарев. Девиер. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2018. — 100 с. (Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»).

ISBN978-5-4386-1491-3

© Вахрин С. И., 2018
© Свое издательство, 2018

Среди самых верных царю Петру людей, которые вошли в историю России как «птенцы гнезда Петрова», были и эти двое — безродный еврей Антон Девьер и потомок польского шляхтича Григорий Скорняков-Писарев.

В «Записках князя Петра Долгорукова» о происхождении первого из них — Антуана (Арона) Девьера (Девьера или *António Manuel de Vieira*) — информации совсем немного:

Герб графов Дивьер

ГЕНЕРАЛЬ-АДЪЮТАНТЬ
Графъ Антонъ Эммануиловичъ Девіеръ
Первый СпБ, Генераль-Полковникъ,
съ 1718 по 1727 г.

«Первый граф Девьер происходил из семьи обосновавшихся в Голландии португальских изгнанников-евреев по имени Девьер. Его отец был крещен под именем Эммануила; сын, получивший при крещении имя Антуан, был еще ребенком-юнгой (примерно 1682 г. р. — С. В.) на корабле, когда Петр I заметил его и взял к себе на службу (шел 1697 год — С. В.). Сначала паж и фаворит, затем царский денщик, он стал генерал-адъютантом и обер-полицмейстером Петербурга. Исполнительный и усердный на службе, среднего ума, он не обладал никакими нравственными принципами; но милый, услужливый и веселый по своему складу, он всегда был желанным при дворе».

По сути, информации почти ноль.

Еврей-выкрест — юнга?

Паж и фаворит...

В книге Гельбига, сообщающего европейскому читателю биографии русских вельмож, все выглядит гораздо проще: *«Португалец, граф Девиер находился в числе прислуги на одном купеческом корабле, прибывшем в Голландию. Там случайно заметил его Петр I и определил на побегушки к Меншикову...»*

Что же касается последующей должности царского денщика, то у Петра I был целый штат денщиков, которые исполняли любое царское желание и любую прихоть. Румянцев и Чернышев, например, тщательно оберегали царских любовниц — своих собственных жен — и царских «выблядков» — незаконных детей Петра, готовя их для высокой государственной карьеры и получая за это чины, поместья и души...

Другой денщик — Павел Ягужинский, беспородный лифляндец, сын органиста, был водворен в этот штат фельдмаршалом Гавриилом Головкиным, будущим канцлером и будущим же тестем Павла Ивановича, *«в надежде иметь при царе преданного человека, способного к тому уравновесить влияние другого умного приближенного, знаменитого*

Меншикова, влияние которого при дворе начинало пугать знатных вельмож» (П. В. Долгоруков).

Девиер и Ягужинский преуспели при царском дворе: 3 (14) августа 1711 года они оба были пожалованы чином генерал-адъютанта, учреждённым специально для них.

А в 1712 году Девиер уже посмел посягнуть на святое — он решил жениться на сестре самого Александра Даниловича Меншикова. Сестра, кстати, уже ждала от него первенца, то есть была вовсе даже не против этого брака.

До глубины души возмущился этим и по гроб жизни возненавидел португальца-еврея сам Александр Данилович, который возлагал на неверную сестру совсем другие надежды, используя блистательный политический момент собственного фавора.

Светлейший князь А. Д. Меншиков

И вот первый результат сватовства: «...надменный фельдмаршал, забывая, что собственное его происхождение никак не превосходило происхождение Девьера ни по известности, ни по достойному почтению, выказал себя столь оскорбленным и разгневанным этим искательством, что позвал свою челядь, приказал схватить молодого человека, связать ему руки и ноги, принести розги и высечь».

Девьер пожаловался царю. Тот разгневался. И повелел заключить брак против воли Меншикова.

Анна Даниловна Девьер (Меншикова)

Так породнились два смертельных врага.

27 мая 1718 года был подписан высочайший указ сенату: *«Господа сенат! Определили мы для лучших порядков в сем городе генерал-полицеймейстера, которым назначили нашего генерал-адъютанта Дивиера; и дали пункты, как ему врученное дело управлять. И ежели против оных пунктов чего от вас требовать будет, то чинить. Также всем жителям здешним велите публиковать, дабы неведением никто не отговаривался. Петр».*

«Русский биографический словарь» позже весьма лестно отзовется о первом генерал-полицеймейстере Санкт-Петербурга: *«Хотя о деятельности Дивиера как первого генерал-полицеймейстера сохранились лишь отрывочные и случайные сведения, тем не менее и по ним можно вывести заключение, что он вполне оправдал ожидания государя и был энергическим, усердным и толковым исполнителем стремлений Петра устроить новую столицу по образцу европейских городов. Необходимо заметить, что Петербург того времени был не что иное, как окруженное лесом болото, среди которого пролегали местами непроходимые от грязи и ночью совершенно темные улицы, с разбросанными на обширном пространстве лачугами и наскоро сколоченными хижинами; только кое-где, на Адмиралтейской стороне и около Петропавловской крепости, встречались барские дома, построенные на голландский манер. Состав населения был самый разнообразный: рабочие и мастеровые, насильно согнанные со всех концов России, мелкие торговцы всякой всячиной, солдаты, иностранные шкипера и матросы, чухонцы, колодники и разный сброд, искавший заработка и наживы; пьянство, разврат, воровство, насилие и грабежи были обычным явлением и постоянной угрозой для обывателей. При Дивиере был сформирован первый полицейский штат, состоявший из 10 офицеров, 20 унтер-офицеров и 160 нижних чинов; устроена пожарная*

часть, для которой медные трубы выписаны из Голландии; поставлено в разных местах 600 фонарей, освещавшихся конопляным маслом; замощены камнем главные улицы; заведены фурманички для своза с улиц нечистот и навоза; обращено особенное внимание на свежесть продаваемых съестных продуктов, причем постановлено, чтобы все торговцы носили “белый мундир” по образцу; “для прекращения воровских приходов и всяких непотребных людей” учреждены по концам каждой улицы шлагбаумы, при которых находились караулы; просивших милостыню велено ловить и, по наказанию батогом, высылать из города; установлены штрафы за необъявление о приезжающих и отъезжающих, за принятие в работы людей без паспортов, за азартную игру или пьянство, за пение на улицах, за неосторожную езду, за неисправное содержание печей и дымовых труб и т. д. Дивиер каждый день объезжал город, лично наблюдал за порядком и соблюдением установленных правил. По словам голиштинского камер-юнкера Берхгольца, жившего в Петербурге в конце царствования Петра Великого, он отличался своей строгостью и внушал обывателям такой страх, что они дрожали при одном его имени. Деятельность Дивиера была оценена государем, который произвел его 6 января 1725 года в генерал-майоры».

Любопытно, что и во времена царствования Екатерины I, когда «государственным балом» руководил князь Меншиков, на Девиера не распространялось его всевластие:

«Несмотря на неограниченное влияние, приобретенное вследствие этого Меншиковым на Екатерину, Дивиер был защищен от его вражды личным расположением государыни, к которой имел свободный доступ во всякое время, считаясь в царской семье как бы домашним человеком. Екатерина любила веселого португальца, забавлявшего ее своими шутками и неистощимыми рассказами. Оставаясь генерал-полицеймейстером, Дивиер получил 21 мая 1725 г.

орден св. Александра Невского, 24 октября 1726 г. возведен в графское достоинство, а 27 декабря того же года пожалован чином генерал-лейтенанта. Кроме своих прежних обязанностей, Дивиер исполнял разные другие поручения, по указанию императрицы, и, между прочим, был даже послан в 1727 г. в Курляндию отстаивать русские интересы. Почему именно была возложена такая дипломатическая миссия на Дивиера, трудно объяснить, но для характеристики его необходимо сказать о ней несколько слов. В Курляндии, составлявшей тогда ленное владение Польши, проживала вдовствующая герцогиня Анна Иоанновна, а герцогом номинально числился последний потомок Кетлера, шестидесятилетний герцог Фердинанд, пребывавший, вследствие неприязни к нему курляндского дворянства, в Данциге. Ввиду престарелого возраста Фердинанда, курляндцы решили еще при его жизни избрать себе нового герцога. На собранном в Митаве сейме герцогом был избран побочный сын короля польского и саксонского Августа II, граф Мориц Саксонский, причем избиратели предложили Анне Иоанновне вступить в брак с новым герцогом. Мориц являлся нежелательным кандидатом как для Польши, так и для России. В Гродно был немедленно созван польский сейм, который постановил уничтожить избрание Морица, а решение о дальнейшей судьбе Курляндии отложить до смерти герцога Фердинанда. Такое постановление Гродненского сейма, указывавшее на возможность присоединения Курляндии к Польше, произвело сильное впечатление на курляндцев. С одной стороны, усилилось раздражение против Польши, грозившее явным сопротивлением; с другой раздались голоса, убеждавшие покориться тяжелой необходимости и слиться с Польшей. Подобная развязка была бы в высшей степени невыгодна для России, и потому императрица поручила Дивиеру отправиться в Митаву и уверить курляндцев, что мы готовы защищать их

самостоятельность и право избирать герцога, лишь бы он не принадлежал к саксонскому дому. Вскоре по приезде Дивьера в Курляндию, Мориц, продолжавший оставаться в Митаве и упорно отказывавшийся подчиниться постановлению Гродненского сейма, обратился к нему с письмом, в котором прямо предложил ему 10000 экю за то, чтобы он содействовал браку его с Анной Иоанновной и одобрению Россией его избрания. Известно, что тогдашняя политика основывалась главным образом на подкупе и политические деятели не считали взяточничество безнравственным. Поэтому и предложение Морица не представляет ничего необычного. Ответ Дивьера настолько ярко рисует его бескорыстие, что мы приводим этот документ полностью: “Полученное мною сего числа письмо, — отвечал он по-немецки, — повергло меня в удивление и чувствительное волнение, тем более, что, благодаря Бога, все мое предшествующее поведение может служить доказательством, что я неспособен не только за несколько тысяч рейхсталеров, но и за сокровища всего света сделать хотя самое малейшее отступление от поручения, возложенного на меня инструкцией моей все милостивейшей государыни. Это странное предложение, равно как и тому подобные искушенья, предполагающие подлые и низкие чувства в том, к кому они относятся, оскорбительны для честного человека. В вышеупомянутом деле, в котором ее величество удостоила меня избрать мелким орудием своей воли, я буду без всякого уважения к видам частных лиц и чуждым интересам, равно как и без всякого постороннего вознаграждения, исполнять свои обязанности, как следует честному человеку. Но если бы дело это обратилось и в вашу пользу, то всякий и без того должен получить то, к чему приличие обязывает. Ваш почтительный и покорнейший слуга, граф Дивьер”».

Григорий Григорьевич Скорняков Писарев (р. в 1675 году) был выходцем из старинного, но захудалого

рода каширских дворян, родоначальником которого был «выезжий» польский шляхтич Семен Писарь (кстати, дворяне Писаревы, среди которых немало писателей, из этого же рода).

В отличие от многих русских дворян отец Григория — Григорий Нефедович — научил сына «арифметике и геометрии», а также выработал у него каллиграфический почерк, что впоследствии и пригодилось сыну на государственной службе.

Начинал Григорий Григорьевич свою придворную карьеру не с нуля, а будучи стольником при дворе царицы Прасковьи Федоровны, жены царя Ивана Алексеевича, куда его сумел определить отец, московский дворянин.

Но замечен он был лишь в 1702 году, когда был зачислен в бомбардирскую роту Преображенского полка, в котором под именем Петра Михайлова служил сам царь. Как писал впоследствии сам Григорий Григорьевич, был он «в атаках у швецких, полских, голстинских, померанских у десяти родов и на многих баталиях и акциях».

Надо признать, что в те времена без особых боевых заслуг гвардейцев в чинах не повышали, как это будет в «царстве баб». И потому послужной список Скорнякова-Писарева говорит о многом: *«Уже в 1704 г. Григорий Григорьевич стал “командующим офицером” бомбардирской роты (т. е. ее фактическим командиром), в 1711 г. — “от бомбардир” капитан-поручиком, а в январе 1716 г. — гвардии майором. За участие в битве при Лесной будущий обер-прокурор получил серебряную медаль, за Полтаву — обширное имение Экиматово».*

Обратим внимание на такую деталь: «В 1704 г., по выбытии кн. Меншикова из наличного числа офицеров бомбардирской роты, С. — П. был назначен на его место бомбардир-поручиком, в отсутствие Петра командовал ротой». То есть это было не простое повышение по службе — это было приближение к Его Величеству.

«Голиков упоминает о нем, как об одном из немногих “доверенных” офицеров Петра. Переписка Петра со Скорняковым (22 письма с 24-го июня 1707 г. по 11-е мая 1722 г.) и письма в бумагах Петра Вел. достаточно подтверждают справедливость слов Голикова. Во время тяжелого отступления русской армии из Гродно С. — П. сумел не потерять ни одного орудия, затем принимал участие в осаде Выборга и в октябре 1706 г. послан был в Смоленск наблюдать за вооружением города, заведовать в нем складом артиллерии и военных снабжений, разборком больных и раненых солдат, находившихся в городе, устраивать суда для сплава артиллерии по Днепру и Двине, а главное делать изыскания для соединения этих рек между собою и р. Ловатью каналами. В декабре того же года он уже занят был поставкой подвод от Новгорода до Москвы. В начале 1707 г. С. — П. был послан с бомбардирской ротой и драгунскими полками из Острога в Быхов против Синицкого и за свою распорядительность получил благодарность от Петра в письме 24-го июня. За полтавское сражение он был произведен в капитан-поручики и сейчас же после того (12-го июля) послан был в Смоленскую губернию на р. Касплю готовить суда и принять начальство над транспортом с артиллериею и провиантом, шедшим по Двине к Риге. От Риги в декабре 1709 г. С. — П. привел бомбардирскую роту в Москву к полтавским празднествам; в 1710 г. участвовал в покорении Выборга, а затем отправлен был в Ригу для привода оттуда войск в Петербург. В 1711 г., с началом турецкой кампании, он послан был 15-го марта в Смоленск с поручением идти через Могилев с рекрутами и деньгами водою в Киев, а оттуда, приняв орудия, — на соединение к армии. Во время отступления по берегу Прута С. — П. командовал артиллериею в царской дивизии и, как видно из бумаг архива Преображенского полка, выказал себя храбрым,

неутомимым и заботливым начальником. Он успевал повсюду лично руководить действиями бомбардиров, хотя гвардейская артиллерия и была разделена между пятью каре дивизии. В августе 1711 г. он заведовал устройством и починкой судов на Двине для перевозки армии и в то же время, по поручению Петра, тайно производил изыскания для устройства шлюзов между Днепром и Двиною. Дело это он выполнил успешно и 20-го декабря вместе с благодарностью Петра уже получил новое поручение сделать расследование о возможности соединения р. Ловати с Двиною. Свои гидрографические работы он продолжал до половины 1712 г., затем в кампанию 1712–1713 гг. принял заведование гвардейской артиллерией, а в конце 1713 г. послан в Петербург начальником над всею артиллерией, бывшею в столице. С этих пор кончается период его боевой походной деятельности. 26-го мая 1714 г. он получил предписание устроить в Петербурге школу, поместить в нее сначала двадцать человек лучших учеников московской навигацонной школы и принять на себя обучение этих учеников артиллерийскому искусству. Успел ли он выполнить это довольно серьезное поручение — неизвестно, но уже 13-го марта 1715 г. ему пришлось прервать свою педагогическую деятельность, т. к. Петр послал его осмотреть в сопровождении нескольких искусных геодезистов реки, текущие в Волгу (в Можайском и прилежащих уездах) и верховьями своими соприкасающиеся с Десною, Днепром и их притоками, составить их точное описание, чертежи и карты. Как видно из инструкции, данной при этом С. — П., Петр имел намерение углубить малые из этих рек и соединить их всех в одну систему каналами. Справившись вполне успешно со своей задачей, С. — П. снова вернулся к своим обязанностям преподавателя артиллерии и механики во вновь учрежденной школе, названной Морской академией, но опять ненадолго».

Но переломным в его судьбе, как и всех прочих «птенцов», стал 1718 год: 9 февраля 1718 г. гвардии майор Григорий Скорняков-Писарев получил собственноручно написанный царем секретный указ отправиться в Суздаль. Боевому офицеру-артиллеристу надлежало установить возможную причастность к делу опального царевича Алексея Петровича его матери — первой супруги государя царицы Евдокии Федоровны, которая была в 1698 г. насильно пострижена в монахини под именем Елены и содержалась в Покровском девичьем монастыре.

Выбор Скорнякова, скорее всего, был случаен — он просто оказался под рукой, так как многие следственные дела царь поручал тогда вести своим гвардейцам, которым доверял (37 из 39 крупных государственных дел, если быть точным).

Царь не ждал, что из этого дела может что-то выгореть — ему просто нужно было вменить в вину сыну нарушение царского запрета по общению с матерью, как доказательства сыновнего непослушания и непокорности самодержавной монаршей воле.

Но Скорняков-Писарев с ходу — 10 февраля 1718 года — ошарашил царя сообщением о том, что царица вовсе даже не пострижена в монахини. Это был удар, какого никто не ждал, — оказывается, новый брак Петра с Мартой Скавронской не является законным, а младенец Петр Петрович не может быть наследником престола, так как рожден вне законного брака.

А потом все срослось — и ярость Петра, взбешенного «светским» поведением в монастыре бывшей царицы, которое и ввело в заблуждение неопытного следователя, и следы «прелюбодеяния» монахини, и организация заговора с духовниками, считающих царя Петра Антихристом, и желание выслужиться гвардии-майора с неблагозвучной фамилией, которую он попытался облагородить по примеру ляхов, поменяв на Экиматов-Писарев. Не прижилось — так и остался

в истории Скорняковым, то есть сдирающим шкуры... в том числе и с живых.

«Анналы всемирной истории редко дают нам пример жизни столь бурной, судьбы столь плачевно-трагической, как судьба царицы Евдокии Федоровны Лопухиной. Она родилась 30 июня 1672 года, а в 17 лет ее выдали за муж за Петра I, который был старше ее на один месяц. Евдокия не отличалась особым умом, но была добросердечна и по натуре привязчива. Она полюбила своего супруга, а строгим соблюдением обычаев заслужила горячую привязанность матери Петра I. Сам Петр I, гуляка и по европейским, и по азиатским меркам, проводил целые дни в Немецкой слободе в окружении льстецов, которые, добываясь карьеры и богатства, спекулировали на порочных наклонностях молодого царя. Он растрачивал время в оргиях и предавался самому гнусному пьянству. Пока была жива его мать, царица Наталья Нарышкина, он еще сохранял внешнее уважение к жене, от которой у него было два сына — Алексей, столь несчастный в своей последующей судьбе, и Александр, умерший в младенчестве. Но после смерти матери Петр уже не знал меры. Из путешествия за границу он писал своему дяде Льву Нарышкину и боярину Тихону Стрешневу (своему биологическому отцу — С. В.), чтобы они принудили Евдокию уйти в монастырь, но та отказалась. Вернувшись в Москву, Петр не пошел к жене, а побежал в Немецкую слободу к своей любовнице Анне Монс. Там, во время оргии, сопровождавшей эту встречу, Петр дошел до столь сильного нервного припадка, что обнажил свою шпагу и набросился на некоторых приглашенных и, конечно, убил бы их или изувечил бы, не вмешайся бывший при том его любимец Меншиков. Через короткое время, в 1698 году, после решительного отказа Евдокии добровольно принять монашество, он приказал схватить ее, отвезти в Покровский монастырь

в городе Суздале, насильно постричь и держать в заключении под именем Елены. Его жестокость и цинизм дошли до того, что он не позаботился даже обеспечить существование несчастной. Эта молодая, цветущая 26-летняя женщина в расцвете лет была невиновна ни делом, ни помыслом. Ее лишили трона и заперли на всю жизнь в монастыре. И она так бы и осталась без самого необходимого в жизни, если бы ее сестры, княгиня Троекурова и княгиня Куракина, и ее родители Лопухины не пришли на помощь несчастной, невинной жертве царского разгула, находившего себе опору в самом страшном деспотизме» (П. В. Долгоруков).

Захарьины-Юрьевы, предшествовавшие Романовым, точно также, как и Петр I, выстраивали стратегию Опричного террора — опора на безродных, рвущихся к власти, жадных и алчных, готовых на любое, самое жуткое и кровавое преступление...

Скорняков-Шкуродеров был из числа именно таких: *«Петр послал в Суздаль одного из своих офицеров, Скорнякова-Писарева, чтобы привезти в Москву Евдокию и всех обитателей монастыря. Посланный офицер приказал высесть более 50 монахинь, некоторых засек насмерть и привез в Москву всех насельниц монастыря. Все они, включая Евдокию, были подвергнуты самым жестоким пыткам».*

В своей подлости эти опричники царя Петра не брезговали ничем. Нужно было обвинить Евдокию в любовной связи с полковником Глебовым, и вот вам, пожалуйста: *«В ходе разбирательства дела были представлены любовные письма, будто бы написанные Евдокией Степану Глебову. Но для столь малообразованной женщины, какой была царица, письма эти были написаны слишком уж красиво...» (тем более что есть образцы писем Евдокии к любимому ею некогда Петруше — С. В.).*

Степану Глебову царь Петр I предложил на выбор: *«признать себя виновным и сохранить жизнь или быть посаженным на кол»*.

То есть цена вопроса о «прелюбодеянии» монахини Елены поднялась настолько высоко, что царь самолично стал торговаться...

А никто из арестованных особо не скрывал своего отношения к самому царю-антихристу и искренней любви к царице Алексею и его несчастной матери.

Собственно, и «блуд» (или, по-простому, несчастная любовь) насильно постриженной монахини-царицы, если таковой и был на самом деле, не мог произвести впечатления даже на окружающее самого Петра общество, пораженное развратом в таких масштабах, каких еще российская история не знала. Сам Петр «штамповал» без зазрения совести со своими придворными дамами многочисленных потомков, которые потом будут пожирать друг друга в борьбе за власть, обретая чины и награды, а тут какие-то любовные письма, написанные в иноземном высоком «штиле»...

Поэтому только идея заговора против царя могла сработать на публику.

А такие показания ни кнутом, ни дыбой получить не удавалось.

И потому казнь майора Глебова была страшной.

«Он был посажен на кол в Москве, на Красной площади перед Кремлем, в 3 часа дня, 15 (26) марта 1718 года; стоял довольно сильный мороз и из утонченной варварской жестокости, чтобы возможно дольше продлить его жизнь, на него надели шубу, теплую шапку и оставили на нем меховые сапоги... Он испустил последний вздох лишь в 7 часов 15 минут утра следующего дня, после шестнадцати с лишним часов пребывания на колу... Петр был до того жесток, что пришел на площадь, приблизился к Глебову и принялся убеждать его признать себя виновным.

“Чудовище, — ответил ему Глебов, — если я не солгал ради спасения своей жизни, чтобы избежать этой страшной муки, то зачем же я возьму на душу грех лжи теперь, когда ничто не может меня спасти, теперь, когда скоро предстану пред Вечным Судией?” И он прилюдно плюнул в лицо Петру I».

А приговор, как ни старались гвардейцы-следователи, получился невнятный: *«Степану Глебову, за сочиненные у него письма к возмущению (цифирные письма, которые следователи так и не смогли прочесть и потому содержимое их остается и по сей день неизвестным — С. В.) на его царское величество народа, и умыслы на его здоровье, и на поношение его царского величества имени и ее величества государыни царицы Екатерины Алексеевны, учинить жестокою смертную казнь; а что он о письмах с розыску не винился, что он их к тому писал, а говорил, яко бы писаны о жене его, а иные и об отце, и о брате и о сыне, переменяя речь, и то видно, что он чинит то, скрывая тех, с кем он умышлял, и прикрывая свое воровство, хотя отбыть смертные казни; по те его письма о том воровстве явно показывают, да и он от них и сам не отпирался, что те письма писал цифирью он, Степан; да и потому он смертные казни достоин, что с бывшею царицею, старицею Еленою, жил блудно, в чем они сами винулись имянно; а движимое и недвижимое имение все взять на Государя»* (Н.Г. Устрялов. История царевича Алексея Петровича).

Весь разговор — непрочитанные цифирные письма. Они еще не раз сыграют свою трагическую роль в истории петровской России.

Царь от всей души отблагодарил верного слугу Скорнякова-Экиматова-Писарева. Но, как выяснилось в дальнейшем, тот мог блистать только в роли Шкуродерова:

«9-го декабря 1718 г. он пожаловал ему “за верные труды в бывшем тайном розыском деле” чин полковника

и 200 дворов, но зато возложил на него массу обязанностей: еще 3-го декабря поручил ему надзор за работами по постройке Ладожского канала, дело, которым сам он сильно интересовался; 3-го января 1719 г. назначил его директором петербургской морской академии, причем 22-го января поручил ему заведование сбором денег с денежных дворов на содержание академии; 9-го мая, не освобождая его от других должностей, повелел ему устроить бечевник от Ладоги по Волхову и Мсте, чтобы можно было везде взводить суда лошадьми вплоть до пристани, что ниже Боровицких порогов; в этом же году, по указанию общего морского списка, командировал его в Астрахань для производства следствия по делу Кожина и Травина, а по возвращении его из Астрахани, 6-го ноября передал ему в заведование псковскую, ярославскую и новгородскую школы при архиерейских домах и московскую и новгородскую школы навигаторов. Но С. — П. не сумел оправдать возлагаемых на него Петром надежд. Обязанности директора и заведующего училищами, требующие живого, сердечного отношения к делу, пришлись не по его натуре. Это был человек суровый, строгий, наглядным примером чего является хотя бы тот факт, еще из времен его молодости, что единственный побег, бывший в 1706 г. в бомбардирской роте, был совершен молодым солдатом из страха, что «он потерял поручикову трость»; на службе это был холодный и педантический исполнитель долга, любитель всяких обрядов и формальностей. Он очень серьезно принялся за правильное устройство академии, обратил подведомственную навигационную школу в Москве в приготовительное заведение, определил в ней число воспитанников, составил программу преподавания, издал для академии дельную, очень строгую инструкцию, заботился об успешном ходе занятий и в школах при архиерейских домах, но все эти хлопоты не увенчались успехом и мало пригодились к делу:

учебные заведения, переданные ему, также как и вверенная ему 21 января 1721 г. петербургская адмиралтейская школа, пустовали. Когда, наконец, 26 января 1722 г. он сдал заведование морскою академиею и школами капитану флота А. Л. Нарышкину, то из 400 числившихся по спискам учеников академии 116 оказалось в бегах. Еще хуже пошло у него дело с постройкою ладожского канала. Несмотря на то, что Петр не щадил издержек на работы и постоянно сам справлялся о ходе их, дело подвигалось настолько медленно, что к 1723 г., за четыре года, канал был закончен только на протяжении 12 верст. Петр был недоволен медленностью работ и в 1723 г. образовал комиссию для выработки мер к скорейшему окончанию начатого дела. Комиссия ни на чем определенном не остановилась, тогда Петр перенес дело в Сенат, но и сенаторы признали себя некомпетентными в этом вопросе. Петр порешил лично осмотреть работы и остался ими недоволен. В результате у С. — П. отнято было заведование работами и поручено Миниху, С. — П. же был причислен к артиллерии со званием присутствующего в артиллерийской канторе, исключен из списков бомбардирской роты и, должно быть, в наказание, назначен состоять при Минихе в качестве его помощника. Собственно говоря, нужно еще удивляться и приписывать скорее всего покровительству Меншикова то, что С. — П. понес такую малую кару за свою неисправность при постройке канала...».

Но зато он с большим удовольствием расследовал, состоя в Тайной канцелярии, государственные преступления: в 1718 г. он участвовал в следствии по делу канцелярского служащего Артиллерийской канцелярии Лариона Докукина, обвиненного в том, что «во время божественной литургии подал его (царскому) (величеству) воровския о возмущении народа против его (величества) писма». В итоге подьячий был «казнен смертию».

В 1722 г. Г.Г. Скорняков-Писарев расследовал дело воронежца И.М. Завесина, который в состоянии крайнего алкогольного опьянения объявил себя «холопом государя Алексея Петровича». Несмотря на то что, согласно добросовестно собранной Григорием Григорьевичем информации, обвиняемый в пьяном виде и ранее допускал, мягко говоря, эксцентричные выходки, он был подвергнут пытке, а затем приговорен Тайной канцелярией к наказанию кнутом.

Здесь, в отличие от других государственных дел, ему все было просто и понятно.

Это заметил и Петр I. 18 января 1722 г. вслед за распоряжением о назначении генерал-прокурором П.И. Ягужинского император собственноручно пометил: «В обер-прокуроры Григорья Писарева». Так 47-летний Г.Г. Скорняков-Писарев стал первым обер-прокурором Правительствующего Сената Российской империи. 22 января 1722 г. он был произведен в генерал-майоры.

Этот чин, как оказалось, был роковым для Григория Григорьевича.

Став при покровительстве сиятельного князя Меншикова генералом и будучи обер-прокурором Сената (и даже генерал-прокурором в отсутствие Ягужинского) Скорняков-Писарев распоясался.

Точнее распоясались два «птенца» — вторым был бывший переводчик Посольского приказа, внук смоленского еврея Шайушки, ставший при Петре I вице-канцлером Российской империи, Петр Павлович Шафиров.

В «Записках князя Петра Долгорукова» мы находим любопытную характеристику этого государственного деятеля:

«...предавая царя, своего благодетеля, ради приумножения собственного богатства, вице-канцлер вкладывал, с одной стороны, столько же усердия и хитрости в дело обмана государя, сколько, с другой стороны, вкладывал в дело явного служения царю.

Но быстрота возвышения Шафирова, рост его влияния при дворе, вес его политического влияния, значительность положения в обществе, важность его политической роли, обусловленная его положением вице-канцлера, уважение со стороны представителей всех европейских дворов, огромное состояние, родственные связи со знатными русскими семьями — все это вызывало жгучую зависть, долгое злопамятство и создавало опасных врагов...

...[он], нисколько не стесняясь, высмеивал скупость, а иногда и постыдную мелочность своего начальника, канцлера Головкина, места которого почти открыто домогался. Шафиров горячо осуждал лихоимство Менишкова, хотя и сам преуспевал на этом поприще».

Это противостояние не могло не иметь своих политических последствий.

«Во время Персидской компании Петра I враги вице-канцлера сумели подготовить его падение. У обер-прокурора Сената, Григория Скорнякова-Писарева, того самого негодяя, который будучи посланным из Москвы в Суздальский монастырь арестовать царицу Евдокию, приказал высечь более пятидесяти монахинь, многие из которых умерли под кнутом, был брат Степан (Богдан — С. В.), полковник, уполномоченный по межеванию в губерниях. Узнав, что этот полковник во время межевания земель вокруг города Почеп, подаренного Менишкову царем после Полтавской битвы, получил взятку и прирезал к землям этого последнего территории, которые соседями законно считались их собственностью, барон Шафиров донес на него Петру I, который собственноручно отколотил князя-фельдмаршала, а полковника отдал под суд.

Брат вице-канцлера, Михаил Шафиров, получив полугодовой отпуск, который проводил в Москве, пожелал получать свое жалованье и во время отпуска. Вице-канцлер потребовал от Сената соответствующий указ;

злопамятный обер-прокурор стал возражать: возникла ссора; с обеих сторон послышались оскорбительные выражения: вице-канцлер и обер-прокурор, на заседании Сената, обозвали друг друга ворами, оскорблением тем более разительным, что было справедливо по отношению к каждому из них; наконец, фельдмаршал князь Меншиков, пожелавший принять сторону обер-прокурора, услышал и на свой счет этот обидный (но столь же заслуженный) эпитет. Словом, разгорелся ужасный скандал».

Шафиров в результате был приговорен к смертной казни. Но смертную казнь в последний момент, уже на эшафоте, отменили, заменив ссылкой — «навечно» — в Сибирь. Но и ссылку в Сибирь заменили на ссылку в Новгород.

«Лишенный должности вице-канцлера, голубой ленты, титула барона, чина действительного тайного советника, которого был удостоен за год до этого, он был также лишен всего своего состояния, представлявшего пятнадцать тысяч крепостных душ и огромные капиталы, вложенные в различные промышленные предприятия России. Несмотря на всю свою ловкость, он не сумел последовать примеру своего врага Меншикова, который не только оградил своих потомков от полного разорения, но и обеспечил им прекрасное состояние, вовремя поместив крупные суммы в банки Амстердама и Лондона».

Но и Скорняков-Писарев был разжалован в рядовые «до выслуги» и приговорен к конфискации пожалованного ему за службу имущества (кроме унаследованного, родового).

«Опала, впрочем, продолжалась недолго. 7-го мая 1724 г. Высочайшим указом он был прощен, причем все же Петр вспомнил его провинность при постройке Ладожского канала.

На погребении Петра 10-го марта 1725 г. полковник С. — П., как одно из наиболее приближенных к нему лиц, нес гроб Государя».

Затем у его земного покровителя — князя Александра Даниловича — начинается неземной взлет карьеры: он является фактическим правителем Российской империи при своей стремительно стареющей любовнице императрице Екатерине I, почему вопрос о престолонаследнике становится все более и более актуальным.

По настоянию князя Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев вновь возведен в чин генерал-майора и исполняет волю правителя.

Казалось бы, и в вопросе о престолонаследии «птенцы гнезда Петрова», связанные одной общей кровавой тайной убийства невинного царевича, должны были найти, как модно сейчас говорить, консенсус в этом вопросе, который являлся судьбоносным для них самих — всероссийским императором, царем-самодержцем мог стать сын казненного царевича и отомстить его убийцам, как это в конце концов и случилось.

Но в дело вмешалась большая политика. Царевич Петр Алексеевич, появившийся на свет почти одновременно с младшим сыном царя Петра — Петром Петровичем, которого и объявили наследником престола, пережил своего дядю. Из всех возможных наследников престола он был самым законным — но вовсе не потому, что был внуком Петра Великого, а скорее вопреки этому — и скоро мы в этом убедимся.

Но Петр Алексеевич был не только русским царевичем. Его мать — Шарлотта Кристина София герцогиня Брауншвейг-Вольфенбюттельская была родной сестрой жены императора Великой Римской империи Карла VI из правящего Дома Габсбургов, которые считали себя отчасти виновными в гибели царевича Алексея Петровича.

И Габсбурги предложили политическую сделку Меншикову: они убедили его в том, что царевич Петр Алексеевич при восшествии на трон женится на дочери сиятельного князя и таким образом упрочит власть самого Меншикова (который

до совершеннолетия царевича будет регентом, то есть правителем страны) и закрепит его династию на русском престоле. В знак «особого расположения» они готовы были предоставить князю титул герцога Великой Римской империи и даже подобрали для него герцогство Козельское...

Безусловно, это была политическая западня — «сыр в мышеловке»...

«Птенцы» это прекрасно понимали, как и отчетливо осознавали, ЧТО из всей этой затеи получится. Меншиков же, в эйфории своего всеислия, видел себя уже на троне...

Главой нового дворцового заговора, объединившего убийц царевича Алексея Петровича, стал граф Толстой.

О нем разговор особый. Петр Андреевич Толстой был выходцем из старинного рода, от которого пошли дворянские фамилии Дурново, Даниловых и Васильчиковых.

«...эти семьи долгое время прозябали в наистесненных условиях и в полной неизвестности, из которых благодаря уму и талантам двух братьев, Ивана и Петра, вырвались Толстые. Оба брата были стрелецкими полковниками. Свойственники семьи Милославских, они были в числе сторонников и самых близких наперсников царевны Софии, которая, как известно, посягала не только на корону, но и на жизнь Петра I. Оба они были в числе руководителей кровавого бунта 15 мая 1682 года, который ниспроверг партию Нарышкиных и стоил жизни многим членам этой семьи и многим боярам, среди которых был и знаменитый Матвеев. Через 7 лет, видя, что партия Петра I побеждает и одерживает верх, оба брата в мгновение ока изменили свои убеждения. Они тесно подружились с Федором Матвеевичем Апраксиным и присоединились к сторонникам молодого царя. В то время, когда Софья оказалась в монастыре, ее друзья были приговорены к смертной казни или к изгнанию с конфискацией всего их достояния, а стрельцы были перебиты, — это самое

время оба Толстых получили значительные посты. Иван стал тайным советником и губернатором Азовской губернии, где он и умер через несколько лет. Петр был послом в Константинополе, где он оказал Петру I очень важные услуги и, в частности, добился с большим трудом очень желанной для царя выдачи Мазепы, который, узнав об этом, отравился накануне своего ареста. Когда же царевич Алексей укрылся в замке Сан-Эльмо в Неаполе, принадлежавшем тогда императору Карлу VI, дяде жены царевича, на поиски своего сына, место убежища которого было ему неизвестно, царь послал Петра Толстого, а чтобы следить за самим посланцем, он придал ему доверенного человека, своего генерал-адъютанта Румянцева. Толстой не только обнаружил царевича, но и подкупил его любовницу, гадкую чухонку, которая и склонила царевича вернуться в Россию. Толстой поклялся на кресте, что царевичу будет даровано прощение, но как только несчастный оказался в России, то был предан пыткам и казнен. Кресло в Сенате, голубая лента и обширные земли были наградой Толстому за этот бесчестный поступок.

...Петр I говорил о нем: «Толстой смышлен, и презрядно, но когда имеешь с ним дело, всегда надобно держать камень за пазухой, чтобы при нужде проломить ему голову!» (П. В. Долгоруков).

Он не раз был замечен и в дворцовых интригах: пытался подменить Марту Скавронскую (тогда еще просто любовницу, одну из многих) своей пассией — дочерью князя Кантемира, Марией, но как только Марта-Екатерина с помощью грека Паликалы сделала Марию бездетной, «Толстой тотчас отказался от затеянной было интриги, сблизившись с Екатериной и сойдясь с Меншиковым, дабы убедить царя короновать Екатерину, а когда коронация состоялась, Толстому было даже поручено руководить этой церемонией. В самый день коронации он получил титул графа.

...Наделенный немалым умом, деятельный и энергичный характером, он был вероломным, лукавым, способным на все, бессовестным и безжалостным».

При императрице Екатерине (безусловно, с подачи Меншикова, без которого не решался ни один государственный вопрос) Толстой стал членом Верховного тайного совета, в который входило всего семь человек и который возглавлял сам Александр Данилович.

Но среди «птенцов» был и настоящий аристократ — потомок того же рода Радшичей, из которого и Александр Сергеевич Пушкин — генерал Иван Иванович Бутурлин, который с Толстым и Скорняковым-Писаревым в 1718 году стали первыми «министрами» Тайной канцелярии, созданной специально для проведения расследования и казни царевича Алексея. Правда, последнее крупное поручение, возложенное на него при жизни Петра I, было участие в комиссии, образованной для суда над «министром» Тайной канцелярии Г.Г. Скорняковым-Писаревым в 1723 году, которое имело, как мы знаем, для Григория Григорьевича весьма неприятные, хотя и быстро «испарившиеся» последствия.

А Бутурлин вскоре был вознесен на высший пьедестал почета.

«28 января 1725 г., когда преобразователь умирал, лишившись языка, собрались члены Сената, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Правительственный класс разделился: старая знать, во главе которой стояли князья Голицын, Репнин, высказывалась за малолетнего внука преобразователя — Петра II. Новые неродовитые дельцы, ближайшие сотрудники преобразователя, члены комиссии, осудившей на смерть отца этого наследника, царевича Алексея, с князем Менишковым во главе, стояли за императрицу-вдову... Вдруг под окнами дворца раздался барабанный бой: оказалось, что там стояли два гвардейских полка под ружьем, призванные своими командирами — князем Менишковым

и Бутурлиным. Президент Военной коллегии (военный министр) фельдмаршал князь Репнин с сердцем спросил: «Кто смел без моего ведома привести полки? Разве я не фельдмаршал?» Бутурлин возразил, что полки призвал он по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», добавил он. Это появление гвардии и решило вопрос в пользу императрицы» (В. О. Ключевский).

На похоронах, когда остальные «птенцы» несли гроб с телом покойного царя-батюшки, Иван Иванович Бутурлин нес корону Российской империи, как символ того, что благодаря ему эта корона досталась Екатерине I.

Князь Петр Долгоруков, давая, как правило, самые уничижительные характеристики хищным «птенцам Петровым», делает для И. И. Бутурлина исключение: «Это был весьма деятельный, железного характера и суровой честности, прямодушный в поступках и правдивый в речах человек...».

Был среди будущих заговорщиков еще один «министр» Тайной канцелярии, который впоследствии станет мастером пыточных дел, — Андрей Иванович Ушаков. *«Этот человек — настоящее чудовище, — оставивший кровавый след в истории России, родился в 1760 году».* Он был из старинной, но бедной семьи. Волею судьбы он попал в Преображенский гвардейский полк и стал личным фискалом царя.

«После смерти старика Ромодановского Тайная канцелярия была переведена в Петербург, а ее руководство доверили Ушакову и старому графу Толстому. Толстой делами Канцелярии не занимался, а Ушаков бывал там постоянно, на всех допросах и пытках. В его присутствии несчастным выворачивали в суставах руки и ноги; вздергивали на дыбе под потолок; им привязывали к ногам чугунные ядра или же, связав ноги, привязывали к столбу и до крови били кнутом» (П. В. Долгоруков).

Таким образом истязали в 1718 году царевича Алексея Петровича, пытаясь опорочить его имя.

А вот то, что произошло потом, — само убийство — остается тайной до сего дня.

По одной из версий, у которой множество противников, царевич был задушен министрами Тайной канцелярии. По другой, более правдоподобной, — забит кнутами, так как есть сведения, что царевича пытали уже после вынесения ему смертного приговора.

Князь Петр Долгоруков, который знал множество самых мельчайших подробностей главных исторических событий эпохи от живых свидетелей или их прямых потомков, утверждал в своих «Записках» совершенно иное:

«Когда Петр I решил предать смерти своего сына (вероятно, остерегаясь публичной казни, на которой царевич может сказать последнее свое слово — С. В.), он поручил отравить Алексея генералу Адаму Вейде. Такой выбор был сделан не без основания. Адам Вейде, старый товарищ Петра I по пирушкам, но человек не без таланта, ставший генерал-аншефом, награжденный голубой лентой, был сыном фламандского аптекаря, поселившегося в Москве. В молодости он был учеником в аптеке отца. Но то ли доза яда оказалась недостаточной, то ли здоровая натура царевича оказала сильное сопротивление губительному действию яда, но только страдания агонии оказались столь мучительны, что Вейде, охваченный жалостью, велел отрубить царевичу голову топором, чтобы положить конец его терзаниям. Царь одобрил это решение. Однако чтобы выставить тело жертвы для публичного прощания, надо было пришить голову к телу...».

Итак, четыре «министра» Тайной канцелярии — Толстой, Бутурлин, Скорняков-Писарев и Ушаков — узнав по своим каналам о том, что князь Меншиков согласился на условия правящего Дома Габсбургов о возведении на

престол царевича Петра Алексеевича, и осознавая очевидную гибель своей политической карьеры, ссылку и смерть в изгнании, конфискацию имущества и бесчестие, составили заговор, целью которого было возведение на престол дочери царя Петра — царевны Елизаветы Петровны и расстройство свадьбы великого князя с дочерью Меншикова.

К заговору, на беду заговорщиков, примкнул и смертельный враг Меншикова — Антон Девиер, генерал-полицмейстер столицы, новоиспеченный генерал-лейтенант и граф.

«Девьер из ненависти к своему шурину, который продолжал относиться к нему с презрительным высокомерием, присоединился к тем, кто принимал более или менее активное участие в пагубном конце царевича Алексея, отца молодого великого князя, а потому опасался реакции двора и мести со стороны сосланных в 1718 году, в особенности мести со стороны старой царицы Евдокии Лопухиной, бабки юного великого князя, жертвы столь долгого и безо всякой на то вины мученичества. Больше всего опасались воцарения Петра II оба руководителя Тайной канцелярии: старый граф Толстой, советы и интриги которого побудили несчастного царевича к возвращению в Россию, ставшему началом его печального конца, и генерал Ушаков; весьма опасался воцарения Петра II и прокурор Сената Григорий Скорняков-Писарев, бывшая креатура Меншикова... К этим троем присоединились и двое важных вельмож, недовольных высокомерием и наглостью фельд-маршала, заносчивость и спесь которого были воистину достойны выскочки, каковым он и был на самом деле: это старый генерал Иван Бутурлин и Александр Нарышкин; они старались настроить юного великого князя против Меншикова и использовали с этой целью усиливающееся влияние одного из гоф-юнкеров великого князя, князя Ивана Долгорукова, молодого человека, едва достигшего 18 лет» (П. В. Долгоруков).

Заговорщикам поначалу даже сопутствовал успех: пользуясь минутной слабостью Екатерины они добились подписания указа об аресте Меншикова, но... указ был отозван.

Но это еще не было провалом.

Все испортил Девьер.

«Во время последней болезни Екатерины Девьер вел себя самым неосторожным и неподобающим образом. Находясь во дворце, в присутствии людей из окружения императрицы он говорил, что “нет причин проливать слезы”. Сидя в одной из гостиных дворца, беседуя и шутя с находившимися там придворными, он увидел входящую герцогиню Голишинскую, у которой на глазах были слезы; и, не вставая со своего места, имел дерзость с усмешкой сказать ей: “Что это вас так печалит? Выпейте-ка лучше стаканчик вина, чтобы взбодриться”. Тогда же он сказал молодому великому князю: “Поедем, прогуляемся в коляске, скоро ты будешь свободен”. Он не удосужился приподняться со стула в присутствии великой княжны Елизаветы; наконец, подойдя к Софье Скавронской, племянницы императрицы, он попытался ее покружить, говоря: “Кончай же плакать, пойдем танцевать!”. Вероятно, обер-полицмейстер в тот день был пьян.

Арестованный по приказу Меншикова, Девьер был подвергнут пыткам; боль исторгла у него признания, приведшие к аресту его тогдашних политических друзей, и тотчас после кончины императрицы Нарышкин, Ушаков и Бутурлин были сосланы в свои поместья; Ивана Долгорукова не тронули, благодаря слезным просьбам молодого императора; граф Толстой и его старший сын были сосланы в Соловецкий монастырь на Белом море, после того как у них были отобраны титулы и состояние; Девьер и Писарев были биты кнутом на площади, их богатство конфисковано, а сами они были сосланы в Сибирь; Девьера, лишенного графского титула, отправили в Охотск».

6 мая, за несколько часов до кончины, императрица слабеющей рукой подписала указ о наказании виновных: «Дивиера и Толстова, лишив чина, чести и данных деревень, сослать: Дивиера в Сибирь, Толстова с сыном в Соловки; Бутурлина, лиша чинов, сослать в дальние деревни; Скорнякова-Писарева, лиша чинов, чести, деревень и бив кнутом, послать в ссылку; Нарышкина лишить чина и жить ему безвыездно в деревне; Ушакова определить к команде, где следует; князя И. Долгорукова отлучить от двора и, унизя чином, написать в полевые полки». Сдавая этот указ для исполнения, Меншиков велел приписать к нему слова: «Дивиеру, при ссылке, учинить наказание, бить кнутом».

Заговорщики были осуждены Верховным Судом за то, «что дерзали определить наследника российского престола по своему произволу и замышляли противиться сватанию великого князя, происходившему по высочайшей воле».

По манифесту от 27 мая 1727 года Скорняков-Писарев и Девиер биты кнутом и сосланы в Сибирь.

С Девиером понятно — Меншиков отомстил ему за свой личный позор, «обрюхаченную» Анну Даниловну.

А вот Скорнякову-Писареву Меншиков не простил предательства — он был наказан суровее всех остальных заговорщиков: помимо лишения чести, чинов и поместий, — только они с Девиером были биты на городской площади кнутом и сосланы «куда Макар телят не гонял».

«Меншиков не пощадил и свою сестру. Ей было велено ехать на жительство, с четырьмя малолетними детьми, в деревню. Пожалованная Петром Великим Дивиеру за службу, в Ямбургском уезде, деревня Зигорица была отобрана и подарена штаб-лекарю Ягану Шульцу. Ненависть Меншикова к Дивиеру и Скорнякову-Писареву, с которым у него также были старинные счеты, не удовлетворилась понесенными ими унижением и позором. Со свойственной ему жестокостью, он придумал для них

новую пытку, назначив местом ссылки обоих Жиганское зимовье, в Якутской области, на пустынном берегу Лены, в 9000 верстах от Петербурга и 800 от Якутска. В этом безлюдном месте, куда только изредка наезжали подъячий и переводчик для сбора ясака с окрестных якут и тунгусов, ссыльные были совершенно отрезаны от всего мира, нуждались во всем необходимом, по целым месяцам были вынуждены питаться одним хлебом и рыбой, и даже редко могли видеться друг с другом, потому что сторожившему их караулу было строго приказано не допускать общения их с кем бы то ни было».

По другой версии, их разделили еще в Якутске: Скорняков-Писарев последовал в Жиганск, а Девиер — в Минусинский край.

Но на этом злоключения Скорнякова-Писарева в Жиганске не прекращаются. Вот что пишут по поводу его проживания в Жиганске в книге «Секретные узники сибирских острогов» А. С. Зуев и Н. А. Миненко: *«Шемаев (местный казачий комиссар — С. В.) прослышал, что у Писарева имеется “крушка серебряная рублей в 15-ть”, и пожелал взять ее себе. Шантажируя ссыльного, он заявил, что “живет де он, Писарев, от русских того зимовья юрт например в полуверсте, а в таковой близости жить ему, Писареву, не надлежит”, и пригрозил, “ево в самые злые морозы вывести из ево келишки в якуцкую на пустом месте снегом огребенную и снегом покрытую юртишку”. Писарев “убоявся, чтоб такой вор не велел ево посадить в воду”, отдал злополучную кружку. Шемаеву, однако, этого уже показалось мало, и по его указке Писарев был еще и избит казаками. Оскорбленный узник обратился за защитой к якутскому воеводе Фаддею Жадовскому, но тот предпочел не связываться в это дело и “никакой резолюции не учинил”».*

Ситуация, вроде бы, должна была коренным образом измениться, когда по рекомендации руководителя Первой

Камчатской экспедиции Витуса Беринга (*это явное преувеличение — по другой версии, Павла Ягужинского, который прекрасно знал ссыльного Григория Григорьевича по прежней с ним службе в генеральной прокуратуре — С. В.*) Скорнякова-Писарева назначают командиром Охотского порта и вверяют ему управление Охотско-Камчатским краем. Указ о его назначении был подписан 10 мая 1731 года. А вот чуть позже именно Витус Беринг, назначенный начальником Второй Камчатской (а точнее — Великой Северной) экспедиции, станет злейшим врагом ссыльного Скорнякова-Писарева.

Если генерал-майор, «министр» Тайной канцелярии не способен был справиться (и, вероятно, по объективным причинам) с задачами, который ставил перед ним Петр I для решения ближних (в географическом смысле) проблем империи, то как он мог справиться с решением подобных масштабных государственных задач на окраине империи, куда была сослана «за разные вины» вся чиновная нечисть, скопившаяся в петровские времена в стольных градах, — воры, мздоимцы, казнокрады, взяточники, стяжатели, главной целью жизни которых в Сибири была одна только нажива...

Великая Северная экспедиция — была в XVIII столетии самым грабительским проектом России в Сибири, нанеся империи колоссальный материальный и моральный ущерб (только на 1733 год — то есть на самое начало — расходы экспедиции составили баснословную для того времени сумму в 285 тысяч рублей). Первая Камчатская экспедиция завершилась на самой Камчатке по причине разорения ее населения знаменитым Харчинским бунтом, о котором собирался писать А. С. Пушкин. В Сибирь насильственно переселялись тысячи крестьянских семей. Из военнопленных поляков (украинцев и белорусов?), а также и своих доморожденных, сосланных в Сибирь по «Слову и Делу» «воров» — политических ссыльных, а также разбойников с большой

дороги (без разбору из-за недостатка людей) формировались забайкальские и якутские казачьи сотни, которые в силу своей социальной предрасположенности продолжали на окраине империи государственную грабительскую политику в особо крупных масштабах.

Это не было никаким новшеством — возможность пограбить сибирские богатства и привлекала сюда в первую очередь «охочих» до легкой наживы людей.

Вот что, например, писал П. В. Долгоруков о первом генерал-губернаторе Сибири князе Матвее Гагарине, который получил эту должность в 1712 году, в 1718 году был уже арестован, а 17 июля 1721 года — повешен:

«...в короткий срок он стал обладателем немалых богатств; по постным дням для десятка гостей у него подавали по пятьдесят блюд, и вся посуда была из массивного серебра; всего у него имелось серебряной и позолоченной посуды на пятьсот человек. Из серебра были ободья колес его экипажей и подковы лошадей; оклады образов в его спальне были украшены бриллиантами, стоимость которых оценивалась в 130 тысяч рублей! Своего единственного сына Алексея он женил на дочери вице-канцлера барона Шафировова; а дочь выдал замуж за старшего сына канцлера графа Головкина: канцлер и вице-канцлер, столь известные своей продажностью, уже бывшие на откупе у Мазепы, тоже получали от Гагарина богатый ежегодный пенсион за то, что защищали его и держали в курсе всего, что творилось при дворе».

Царь Петр I не мешал своим фаворитам грабить своих же подданных, для острастки пугая их различными грозными нововведениями — прокурорами, фискалами, тайными канцеляриями...

В собственности князя Меншикова были целые города — Ораниенбаум, Ямбург, Копорье, Раненбург, Почеп, Багурин. У него изъяли при аресте бочки с золотом на 4 миллиона

рублей (когда за 100 рублей покупали полноценную деревню с крестьянами, а 300 рублей были годовым жалованием начальника Охотско-Камчатского края), на миллион рублей бриллиантов, 20 килограммов золота в слитках, 25 килограммов золотой посуды и 9 миллионов рублей было размещено князем для своих потомков в банках Лондона и Амстердама...

Откроем очерк «Главнейших событий в Камчатке» Александра Сгибнева или «Описание земли Камчатки» Степана Крашенинникова и поразимся масштабам лихоимства, казнокрадства и взяточничества, которые творились на дальней окраине империи, названной во времена Скорнякова-Писарева Охотско-Камчатским краем.

Результаты расследования причин Харчинского бунта потрясающи — сюжет о «мертвых душах» был рожден именно на Камчатке, где казаки в начале XVIII века заставляли камчадалов сдавать ясак в казну и за давно умерших родственников. Взятки за право участия в походах, которые получал якутский воевода от камчатских «прикащиков», «закащиков» и «ясашных зборщиков», исчислялись десятками тысяч рублей (это по тем ценам!), а приказчики, заказчики, ясачные сборщики и рядовые казаки везли в Охотск и Якутск тюки с «мягкой рухлядью» — драгоценным мехом камчатских соболей и морских бобров, которые на китайских рынках приносили баснословные барыши.

Сибирь — российский пушной Клондайк — была сокровищницей империи, которую грабили все, кому не лень.

И вот 23 апреля 1731 года из Сената в Сибирский приказ поступил указ о том, чтобы учредить в Охотске вместо ясачной избы охотское управление, независимое от Якутска, и «Григорий Скорняков-Писарев, который сослан в Сибирь на поселение и находится в жиганском зимовье, определен в Охотск, с тем, чтобы он имел главную команду над тем местом».

«Жалованье, — пишет А. С. Сгибнев в очерке «Скорняков-Писарев и Девьер в Сибири. 1727–1743» (журнал «Русская старина, 1876, т. 15, № 2), — назначено ему было в год 300 руб., да хлеба всякого, каким он взять хочет, по сту четвертей, и вина простого по сту ведр в год».

От него же требовалось «заселить Охотск, с учреждением при нем верфи и пристани. Для этой цели, по высочайшему повелению, отправлены были туда неоплатные должники, вместо каторги, с распределением их в прежние сословия: т. е., записав купцов в купцы, мастеровых — в мастеровые и т. д. В 1731 г. их было прислано в Охотск 153 человека».

Перечисляя обязанности Скорнякова-Писарева, А. С. Сгибнев очень уж основательно их подсократил (вероятно, из чувства морской солидарности с командой Беринга). Вот перечень его обязанностей (и тоже далеко не полный писок), которые названы в книге «Секретные узники сибирских острогов» и которые остались частично неисполненными даже в нашем XXI столетии: *«В качестве Охотского командира Скорняков-Писарев должен был принять меры к хозяйственному освоению Охотско-Камчатского края: заселить его крестьянами из Илимского края или из других мест, устроить их быт и начать их силами хлебопашество; завести в Охотске “лошадей, кобыл и жеребцов, также рогатого и мелкого скота”; построить порт с верфью и морские суда “для перевоза на Камчатку и оттуда к Охотску казенной мягкой рухляди и купецких людей с товарами”; набрать в Якутске и перевести в Охотск человек 100 служилых людей, “удовольствовать” их всем необходимым; бездоимочно собирать ясак и пресекать злоупотребления со стороны служилых людей; от Якутска до Охотска “дорогу расчистить”, заселив ее переселенцами, и по возможности “коммуникацию водяную сделать”; построить церкви, а в Охотске “школу не*

для одной грамоты, но и для цифири и навигации завести» и т. п. (перечень, как мы уже говорили, на этом вовсе даже не заканчивается — С. В.)».

Получив на руки «имянной» указ, Григорий Григорьевич приободрился («Монаршая милость [меня] уже погибающе-го душою воскресила»). Он прибыл в Якутск и «потребовал от якутского воеводы Жадовского немедленной отправки в Охотск команды и провианта».

Жадовский это требование ссыльного выскочки (формально Скорняков-Писарев оставался на своей должности государственным преступником в статусе ссыльного) проигнорировал.

От Скорнякова-Писарева полетела первая жалоба (донос) в Иркутскую провинциальную канцелярию о том, что Жадовский не исполняет его требований, «отчего порученное ему дело идет медленно».

Но все беды бывшего генерал-майора, снова возмнившего себя большим начальником, только начинались.

«11 июля Скорняков-Писарев послал в Охотск штурмана Бирева с 23 казаками, для заготовления леса. Но, по недостатков кормов в пути, 8 человек из них умерло, а остальные разбежались» (информация из доноса).

Иркутская канцелярия отписала: *«Требовать все от якутской воеводской канцелярии, не взирая ни на какие бездельные и плутовские отговорки Жадовского, а пока он, Жадовский, всего не исполнит, держать его в канцелярии скованным в цепях и железах, не освобождая по то число, как надлежащее отправление Писареву учинит».*

Скорняков-Писарев с большим удовольствием исполнил это предписание и на средства воеводской канцелярии за одно только лето 1732 года совершил НЕЧТО:

«Все лето собирал команду из служилых людей для отправки в Охотск, готовил для них амуницию, закупал провиант и семена ржи, овса и ячменя для будущих посевов,

организовал посылку ясаиных сборщиков на Камчатку. В июле послал 30 служилых людей и 18 плотников во главе со штурманом Биревым, которому поручил начать строительство порта и произвести опытные посевы хлебов, направил на Камчатку капитан-поручика Василия Ивановича Казанцева для строительства церквей и Нижнекамчатского и Большеерецкого острогов, отдал распоряжение капитану Дмитрию Павлуцкому начать прокладку сухопутной дороги от Охотска на Камчатку. К февралю 1733 г. построил 14 речных судов и одну шлюпку для сплава грузов в Охотск по рекам» («Секретные узники сибирских острогов»).

И уже готовился сам отправиться к месту службы в Охотск, как бюрократическая машина отреагировала на его стычку с Жадовским, и в ответ уже на донос якутского воеводы Сенат направил указ, который прибыл в Якутск 12 февраля 1733 года:

«Как учрежденный от сената в Охотск ссылочный Скорняков-Писарев, для заведения там морских судов, в порученном ему деле оказал малые успехи, то имянным указом повелено: отправить в Камчатку паки капитан-командора Беринга для заведения оногo судового дела, а Писарева отослать обратно в Якутск или Жиганы».

Команда содержащегося «в железах» воеводы Жадовского возликовала, тотчас освободила воеводу и забаррикадировала городские ворота, чтобы сформированная Писаревым охотская команда, расположившаяся на житье за городскими воротами, не пошла на штурм.

15 февраля Писарев со своими единомышленниками в ответ *«собрали команды своих солдат и служилых людей человек со сто с фузеями... и тех служилых людей привели близ города и поставили во фронт».* Началась осада Якутского острога. По распоряжению Писарева было запрещено пускать кого-либо в острог или выпускать оттуда».

В ночь с 18 на 19 февраля приверженцы Жадовского арестовали Писарева и посадили уже его за решетку. А через две недели под большим конвоем отправили назад, в Жиганск, где Скорняков-Писарев (согласно очередному доносу) «всякими словами ругал государыню».

Но уже в сентябре того же, 1733 года, из Сената, где ознакомились наконец с отчетом о проделанной работе Скорнякова-Писарева, поступает новая бумага: *«Писареву быть по прежнему в Охотске до указа и отправлять все по прежде посланным к нему указам и инструкциям непременно»*.

Жадовский к этому времени тоже был уже смещен с должности, как и другой обидчик Писарева — жиганский комиссар Иван Шемаев.

Но радость от удовлетворенного чувства мщенья тут же сменилась на полнейшее уныние: *«...во время его отсутствия предназначенная в Охотск команда разошлась, а запасы продовольствия употреблены были на довольствие чинов второй экспедиции Беринга»*.

И теперь все, что бы ни делал Скорняков-Писарев, «употреблялось» в интересах экспедиции: *«Беринг больше заботился о делах экспедиции, чем о содействии Писареву. Начались между ними ссоры. Беринг обвинял Писарева в бездействии и 31-го декабря 1734 г. писал адмиралтейств-коллегии: «что не только в Охотске люди и хлеб умножены или пристойные суда и заведения строить начаты, но и мастеровые были задержаны в Якутске»*.

У Беринга была очень выгодная и выигрышная позиция — во всем, что бы ни случилось и что бы ни произошло в Охотске, виноват был Писарев.

Но и Писарев уже не рвался в Охотск: *«...бывший в это время в Якутске ссыльный Савва Плотников рассказывал в 1736 г. на допросе в Тайной канцелярии, будто Писарев говорил ему: «Есть де у меня во дворце всякая заступа и сын мой живет при государыне императрице... и жду де*

я о свободе своей указу с часу на час... и для того де в Охоцкий острог не еду».

Но ждал он напрасно — Анна Иоанновна не прощала тех, кто делал политическую ставку на ее соперницу — царевну Елизавету Петровну, «дщерь Петра Великого».

Григорий Григорьевич прибыл в Охотск уже осенью 1735 года и начал закладывать порт.

Капитан Шпанберг, такой же наемник на русской службе, как и Беринг, сразу же распределил роли: *«Шпанберг стал посылать Писареву предписания, в которых доказывал, что самое устройство порта делается для экспедиции, и потому он считает себя вправе действовать самостоятельно. Писарев, в свою очередь, доказывал ему, что он местный начальник».*

Когда обоим надоело переписываться, а разговаривать нормально друг с другом оба начальника были уже не в состоянии, доносы и жалобы посыпались в Иркутск.

Один из таких доносов приоткрывает нам завесу тайны по истории ссылки: *«Шпанберг, — доносил ссыльный Скорняков-Писарев, — ведет дружбу с присланными в вечную работу — князем Алексеем Барятинским и князем Василием Долгоруковым (присланы в Охотск 20-го июня 1732 г.) — и взял их к себе в команду. Имеет у себя писарем ссыльного Колмогорова; а в премерориях своих мне пишет яко некоторый князь: мы рассмотрели, мы повелели, а не так, как партикулярные персоны пишут о себе единственным числом. Взял к себе и держит без работы ссыльного за разорение ясаиных сотника Лукашевского. Боты «Гавриил» и «Фортуна» взял в свое ведение и мне не отдает, для того, чтобы все, идущие в Камчатку и обратно, были ведомы ему, Шпанбергу, для корысти».*

Но и Шпанберг тоже был большим любителем эпистолярного жанра — вероятно, от скуки в дальней глуши:

«В Охотске он (Писарев — С. В.) вел самую разгульную жизнь, окружил себя огромною женскою прислугою, составлявшею его гарем. Кроме того, брал взятки, не выдавал служащим жалованья, брал с инородцев двойной ясак в свою пользу. С подчиненными был жесток до зверства: засекал до смерти за малейшее преступление, а на лиц неподчиненных писал ябеды».

За спиной Шпанберга стоял Беринг, а за его спиной — адмиралтейств-коллегия, которая наделяла Беринга соответствующими полномочиями, так как по уши уже была завязана в этом разорительном для страны, а в особенности для Сибири, проекте.

Дело кончилось тем, что Шпанберг со своей командой избил (и не раз) начальника Охотского порта, и тот в сентябре 1736 года бежал вместе со своей дворней в Якутск, бросив все охотские дела.

«Летом 1737 года, — пишет А. Сгибнев, — Писарев, вместе с Берингом, приехал снова в Охотск и приступил к устройству порта; но снаряжение экспедиции Беринга не позволяло вести дело как бы следовало: в течение двух лет в порту построено было только две избы и деревянная церковь».

И снова мы вынуждены упрекнуть Александра Степановича Сгибнева в необъективности.

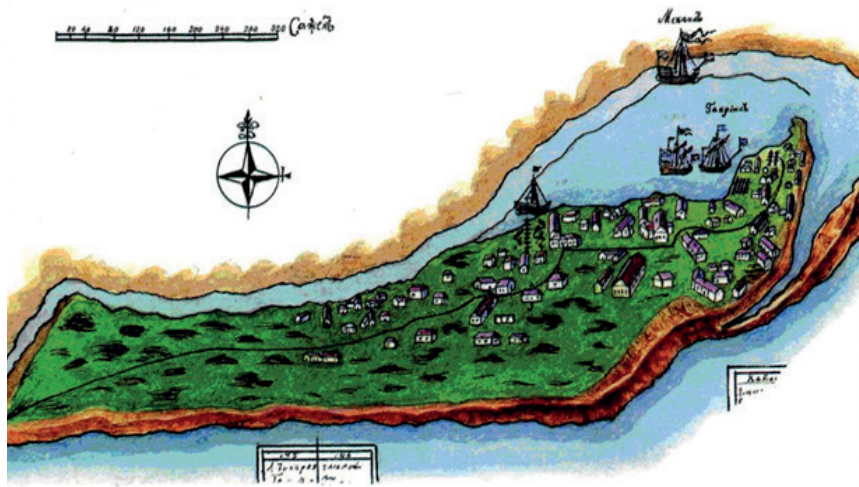
Вот как представляют события тех лет современные авторы книги «Секретные узники сибирских острогов», опираясь на исторические документы:

«Охотск представлял собой полуразвалившейся острожек, в котором стояло 11 дворов и проживало около 30 жителей. Прибыв сюда, Писарев, несмотря на позднее время года, спешно начал строительство нового острога и порта, которые по инструкции должны были быть готовы к прибытию в Охотск Второй Камчатской экспедиции. Людей охотский начальник не жалел.

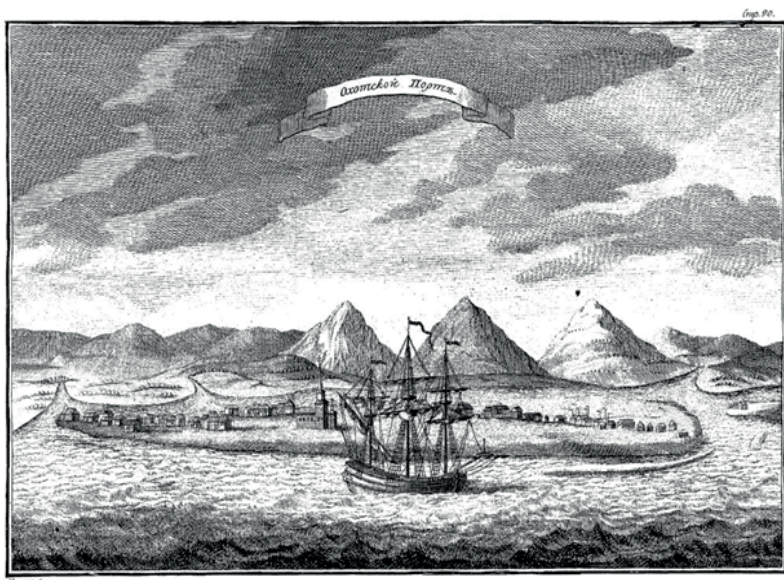
Служилый человек Осип Серебренников, находившийся в местной команде, вспоминал, что Писарев всегда “имел их на разных тяжких тяжелых работах, посылая в зимнее время в жестокие морозы в лес добывать мерзлой лиственничный лес на дворовое и прочее строение”. Однако справиться в срок с задачей все равно не удалось. В Охотск стали прибывать члены экспедиции. К тому же весной 1736 г. “с великих дождей верховая вода” снесла все постройки и унесла в море весь заготовленный строительный материал. Пришлось все начинать сначала. К 1738 г. были построены канцелярия, аманатская изба, казарма, часовня, три амбара, погреб, пять изб для начальствующего состава и 14 обывательских дворов, велось строительство церкви, а число жителей достигло 300 человек».

Что же не было сделано?

“...дорога между Якутском и Охотском осталась неустроенной, застройка Охотского порта началась с большим опозданием, снабжение его провиантом и материалами было организовано плохо; к лету 1740 г. вместо четырех-шести требуемых кораблей был построен только один галиот, а лес для строительства экспедиционных судов не был вообще заготовлен; крестьяне, вызванные из Илимского уезда в Якутск, так и не были переведены на Камчатку и в Охотск; якутов по Охотско-Якутскому тракту селили “весьма не в удобных местах, на которых не имеется и сенных покосов, и скот помирает”, в результате чего якуты откочевали в более удобные места; переселенцев в Охотске также поселили “в неудобном месте у моря на устье реки Охоты, где не имеется леса и для пропитания скотицких трав и для повседневного потребления речной воды”, к тому же переселенцы и купцы не получили положенных льгот; не была построена и навигацкая школа».

Охотский порт

Касин. Л.

Почему-то забыто в этом перечне дел, что суда для экспедиции должны были строиться под руководством Беринга и его помощников. Что илимских крестьян задержал в Охотске именно Беринг, заставив их работать на экспедицию, в результате чего эти люди разбежались кто куда. Что *«руководство Камчатской экспедиции забрало к себе из команды Охотского порта матросов, штурманов, плотников и служилых людей; отбирало скот, приготовленный к отправке на Камчатку»*. Что в Охотске образовались две смертельно ненавидящие друг друга команды из людей экспедиции и обывателей порта, сходящиеся не раз в кулачном поединке.

А как могло быть иначе, если Скорняков-Писарев был человеком дела, в соответствии с той характеристикой, которую дают ему историки:

«Это был человек суровый, строгий, наглядным примером чего является хотя бы тот факт, еще из времен его молодости, что единственный побег, бывший в 1706 г. в бомбардирской роте, был совершен молодым солдатом из страха, что “он потерял поручикову трость”; на службе это был холодный и педантический исполнитель долга, любитель всяких обрядов и формальностей».

«Как о человеке, однако, о С. — П. можно сказать мало хорошего».

Пользуясь большим доверием Петра Вел., который поручал ему очень сложные и ответственные дела, он, действительно, был педантичным, исполнительным и верным слугою, не боявшимся говорить правду в глаза и не останавливавшимся ни перед какою жестокостью, раз было нужно для успеха дела, но в сношениях с окружающими людьми он был холоден, суров, неуживчив.

Его боялись, но не любили».

А как было его любить, если он в глаза говорил Берингу и сообщал об этом в адмиралтейств-коллегию правду о Камчатской экспедиции: *«...никакого приращения интереса не*

учинено, да и впредь не надеется быть...», от нее «немалые убытки учинилися», и она «напросилась в Сибирь ехать только для наполнения своего кармана», а сам Беринг уже «великие пожитки получил».

Девиер позже вскроет злоупотребления на должности самого Скорнякова-Писарева: *«На подчиненных смотрел “яко на собственных холопов” и за малейшее ослушание и непочтительность наказывал батогами и кошками (слово из морской терминологии, то есть записано со слов руководства экспедиции — С. В.). Случалось, что провинившегося по его приказу забивали до смерти. Вспыльчивый, он собственноручно мог избить человека. Обвиняя других в лихоимстве и взяточничестве, Скорняков-Писарев сам не упускал возможности обогатиться. Назначая ясашными сборщиками своих людей, он покрывал их злоупотребления. Взамен сборщики обязывались подносить своему командиру в подарок лучшие меха. Таким способом за 1735–1736 гг. Скорняков-Писарев приобрел 40 лисьих, 30 рысьих, 110 собольих и 66 бобровых шкурок. Часть их он ухитрился даже переправить родственникам в столицу. Не гнушался Охотский начальник и прямым грабежом государственной казны — в 1741 г. в его доме при обыске обнаружили казенных денег и провианта на общую сумму в 862 руб.».*

Остановимся на этих «страшных» моментах биографии Скорнякова-Писарева.

К горькому сожалению Девиера, который всячески пытался утопить Скорнякова-Писарева, чтобы заслужить благорасположение Витуса Беринга, новому командиру Охотского порта не удалось отыскать фактов вопиющего свойства: наказание кошками было в порядке вещей во флоте, где также запарывали насмерть, не почитая это за особый грех. Своих людей расставляли по России все, без исключения, начальники и командиры (кстати, это было вменено и в ПРЯМЫЕ ОБЯЗАННОСТИ начальника Охотского

управления Скорнякова-Писарева в соответствии с полученными инструкциями, о чем сообщает в своем очерке А. С. Сгибнев). Система назначений и такса за должность — это не нововведение российского чиновничества XXI столетия, а обычная практика многих столетий существования российской бюрократической системы «дашь на дашь».

Заглянем в «Исторический очерк главнейших событий в Камчатке», где объективный (всегда, кроме дел Камчатских экспедиций) А. С. Сгибнев рассказывает в обыденном порядке о том, как здесь (а это лишь небольшая часть Охотско-Камчатского края) копили свои «пожитки» местные начальники, которых посылали сюда якутские воеводы за ясаком всего лишь на один (!!!) год: вот, например, сколько огреб добра приказчик Петриловский за двадцать лет до Скорнякова-Писарева: *«141 сорок (сорок — это значит связка в 40 соболей) 29 соболей, 1542 лисиц красных, 161 сиводушных, 160 выдр, 207 бобров, 169 морских выдр, шуб соболевых 4, мехов соболевых 5, санаях соболей, парка соболя с оплечьем бобровым, санаях из красных лисиц с оплечьем сиводушечьим, два санаяха бобровых с оплечьем сиводушечьим, санаях из выдры — оплечье бобровое, 3 шубы лисьих красных, 2 меха сиводушечьих, мех лисиц красных, одеяло лисиц красных, мех бобровый, 4 полы меха соболяго загривчатого, несколько лоскутов разных мехов, несколько мехов из соболевых и лисьих лап, шуба из лисьих лап, одеяло бобровое, парок соболевых 2, мех лапчатый красных лисиц; 2 меха бобровых; парка бобровая; трех из соболевых хвостов; 4 шапки соболя; 2 малахая соболевых; 475 хвостов соболевых, несколько пар меховых рукавиц; серебряный пояс; сереб. чарка и ложка и много других вещей».*

А кроме приказчика были еще трое заказчиков камчатских острогов, да несколько десятков ясачных сборщиков, да три сотни камчатских казаков. Это только на Камчатке...

Поэтому два с половиной сорока соболей, «подаренных» Скорнякову-Писареву (или взятых им самолично в счет жалования), не произвели и не производят впечатления на людей, сведущих, что такое сибирское лихоимство и стяжательство. Вот триста собак, которые перевозили только «пушной багаж» другого охотского командира — Козлова-Угренина, — побывавшего с «инспекторской проверкой» на Камчатке в 1786 году, такое впечатление производят... И ничего...

Но есть в исторической литературе информация о Скорнякове-Писареве совершенно противоположного характера, которую излагает для нас... все тот же Александр Степанович Сгибнев:

«В бытность в Камчатке походной розыскной канцелярии комиссар Эверстов занимался только сбором ясака. В 1732 г. собрано им и отправлено в Якутск с подьячим Борисовым ясаку: соболей 19 сороков и 5 соболей, лисиц красных 1002, чернобурых 2, крестовок 3, сиводушек 10, бобров 10 и кошлаков (молодых морских бобров — Ред.) 8. В 1733 году собрано: соболей 3 сороков, чащину 4 сорока 31 соболю, лисиц красных 866, чащину 27 лисиц; бобров 46, кошлаков 30, чащину 5 кошлаков и лисиц 15, да чащину 9 выдр, 1 лисица. Всего на сумму более противу сбору 1732 года. Своих же пожитков Эверстов послал в Якутск: бобров 50, два сорока соболей и красных лисиц 60, по тамошней оценке на 1000 руб. Да приехавший в Камчатку с Эверстовым купеческий сын Глазунов вывез 40 бобров, 9 кошлаков, 4 сорока соболей, 90 лисиц красных, 27 сиводушек. В августе месяце 1733 г., когда ясаки были доставлены в Охотск, начальник охотского порта Скорняков-Писарев, узнав, что у Эверстова и Глазунова больше бобров, чем в ясаке, приказал почти все их меха взять в казну и передать Мерлину, несмотря на то, что Эверстов писал Писареву, что пожитки эти приобретены его челедицами (всего же взято

у Глазунова и Эверстова мехов на сумму 2049 руб. 30 коп.; да кроме того от них же Писарев взял себе в жалование 4 бобра в 10 р. — примечание А. С. Сгибнева — С. В.).

В 1739 г. Эверстов подал в Иркутске жалобу на неправомерное взыскание с него собственных пожитков. И хотя иркутская провинциальная канцелярия по рассмотрению дела наша его жалобу уважительную; но сибирский приказ отказал ему в удовлетворении убытков».

То есть сам А. С. Сгибнев вдруг раскрывает нам Скорнякова-Писарева совершенно с неожиданной стороны: оказывается, это был, хотя бы только в этом, отдельно взятом случае, в отличие от многих других сибирских начальников, по-настоящему государственный человек, который заботился не о том, чтобы набить свой собственный карман — ведь эти «пожитки» проще было разделить с Эверстовым и Глазуновым «полюбовно», а он сдал все в казну, взяв себе — «в жалованье» — четырех бобров в 10 рублей, о чем сделал соответствующую пометку, позволившую А. С. Сгибневу отыскать эту информацию в иркутских архивах.

Но это далеко еще не все, если быть объективным к тому «исчадию зла», каким представляют сегодня многие историки командира Охотско-Камчатского края Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева, ссылаясь на мнение Витуса Беринга и его команды.

«Камчатка вся разорилася от ясашных зборщиков, — писал Писарев в декабре 1732 г. иркутскому вице-губернатору А. И. Жолобову, — понеже ясачные люди всех трех острогов, которые жили от острогов в близости и всегда ясак платили, не стерпя великих разорений, изменили, и за то их посланные служивые от комиссара Эверстова больше 200 человек побили, кроме тех, которых прошлого году в Нижнем Камчатском остроге побили. И ныне, взяв руки,

варварски больше 100 человек перекололи. А жен и детей в полон взяли больше 300 человек и разделили по себе...».

И ведь это абсолютная правда. Как правда и то, что Беринг задействовал жителей долины реки Камчатки и Большой на перевозке грузов Первой Камчатской экспедиции, сорвав им и заготовку рыбы, и охоту, после чего камчадалы и пришли в полное разорение. А вслед за Берингом появились уже эти ясачные сборщики, которые и стали прямыми виновниками Харчинского бунта.

И это тоже строки из «доноса» Скорнякова-Писарева, которому не поверили:

«...в якутские остроги и зимовья посылаются ежегодные ясаиные сбоицики... в многолюдстве», «такое де многолюдство воеводы посылают для своих пожитков, ибо со всякого человека берут немалые взятки», «а те де взятки комиссары принуждены збирать с ясачных людей» ... «берут зборицики с одного ясаинога человека, который платит ясаку одну красную лисицу ценою в рубль, комиссары по 2, по 3 и по 5 и до 10 лисиц и больше»... «в Якуцку мало таких казаков есть, у кого б ясаиных людей в холопех не было, и к тому ж многое число продают разного чинам людям, которые развозят по иным городам» («Секретные узники сибирских острогов»).

А вот еще интересные факты все из того же «Исторического очерка о главнейших событиях в Камчатке»:

«В 1732 г. из Илимска было отправлено в Камчатку 50 семейств крестьян, а 7-го октября 1732 г. сенат предписал иркутской провинциальной канцелярии, чтобы в Камчатке пахоту и сев хлеба размножить. Но илимские крестьяне были задержаны Берингом в Якутске для экспедиционных работ, и только в 1740 г. доставлены в Охотск, где Беринг по недостатку морской провизии обобрал у них весь скот, а самих приказал отправить в Камчатку по неимению на судах помещения, по окончанию транспортировки экспедиционных грузов».

То есть по своей личной прихоти Беринг сорвал чрезвычайно важную государственную задачу по переселению крестьян на Камчатку для заведения там сельского хозяйства, которое должно было обеспечить продуктами пропитания местное население.

Но позже списали и этот грех Беринга на нерасторопность и нерадивость все того же Скорнякова-Писарева, который «не завел хлебопашества на Камчатке».

А там и снова на славу камчатской экспедиции сработала бюрократическая машина: до Анны Иоанновны донесли сведения о «разврате и бесчинстве» Скорнякова, которые, скорее всего, имели место быть: от собственного бессилия и тоски по воле Скорняков-Писарев, как это водится на Руси-матушке, загулял.

13 апреля 1739 года императрица повелела: *«На место в Охотске командира Григория Скорнякова-Писарева определить из ссылочных Антона Девьера; а жалованье давать по тому ж, как определено было Скорнякову-Писареву».*

«И велено тебе, — предписывалось уже Девьеру, — по прибытии в Охотск, сменить Писарева и поступать во всем по его инструкции. А Писарева, по смене, держать под арестом (это в какой уже раз! — С. В.), а о доносах Беринга, Шпанберга и его, Писарева, друг на друга, исследовать накрепко».

В ноябре 1740 года из Охотска направлено первое донесение охотского командира Антона Девьера.

А. С. Сгибнев отзывается о бывшем генерал-полицмейстере очень похвально: *«Девьер был честный, справедливый и энергичный начальник. Он нашел Охотский порт и команду в самом бедственном положении: «люди претерпевали голод, малым пропитанием едва дни живота своего препровождали».*

Виновным Девьер, конечно же, сделал одного только Писарева — не замахиваться же на Беринга, который мог за

него замолвить словечко... Это Писарев со своим бомбардирским гонором не мог понять элементарного и задибался со всеми на потеху помиряющих от скуки и безделья морских офицеров, а уж пройдоха Девиер научился в Сибири науке, кого можно куснуть, а кого стоит лизнуть...

«По вступлении своем на командование портом, Девьер арестовал Писарева, описал его имущество, продал часть его с аукционного торга и вырученные деньги употребил на удовлетворение команды порта жалованием, которого она не получала за несколько лет. При следствии Девьер раскрыл все злоупотребления своего предшественника и донес о них сенату. Донесение это было получено в Петербурге за несколько дней до вступления на престол Елизаветы Петровны и послужило им обоим на пользу. Императрица вспомнила о них, и 1-го декабря 1741 г. состоялась имянной указ сенату: «Обретающимся в Сибири Антону Девьеру и Скорнякову-Писареву вины их отпустить и из ссылки освободить».

То есть и доносы иногда способны осчастливливать людей...

Вплоть до поступления этого указа в Охотск 26 июня 1742 года Девиер продолжал держать своего бывшего компаньона по заговору и предшественника на посту командира Охотского порта под арестом.

А вот и заслуги перед Отечеством самого Девиера: *«С обычной своей энергией и добросовестностью Дивьер принялся за устранение беспорядков и злоупотреблений и приведение в порядок вверенного ему дела. Он употребил все средства порта на постройку необходимых зданий и судов, снарядил Беринга всем нужным для его второй экспедиции и даже завел школу, которая впоследствии послужила основанием штурманскому училищу сибирской флотилии».*

То есть он всего лишь завершил то, что практически уже сделал Скорняков-Писарев и на трудовом горбу своего предшественника хотел снова попасть в «придворный рай».

Но, слава богу, счастье на этот раз улыбнулось обоим.

23 апреля 1743 года Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев в третий раз в своей жизни становится генерал-майором.

Антону Эммануиловичу Девиеру возвращен чин, графский титул и должность генерал-полицмейстера Санкт-Петербурга, в которой он пробыл вплоть до своей скорой смерти в 1745 году.

А генерал-майор Скорняков-Писарев, которого велено уже было на службу не брать, по укоренившейся уже сибирской привычке продолжал сутяжничество: «по прибытии своем в Петербург, подал на высочайшее имя прошение, в котором, объясняя, что он пострадал невинно, по нападкам князя Меншикова, просил о возврате ему пожитков, взятых в казну». И своего добился: ему возвратили вещи, отобранные Девиером, взыскав пошлину и стоимость провоза из Сибири (так как они первоначально были отправлены в Охотский порт, по месту жительства) в Москву. Пожитков этих было на 824 рубля. И ни копейки с них не ушло в казну по суду, в соответствии со следствием и выводами Девиера, то есть Скорняков-Писарев не был признан КАЗНОКРАДОМ.

Прожил он после этого тоже недолго — в 1745 или в 1747 году его не стало.

В журнале «Русский архив» за 1865 в статье М. А. Оболенского о Девиере ему дана следующая характеристика: *«Он не имел чрезвычайного ума, но одарен был в довольно степени здравым смыслом, и отличался чрезвычайно точностью в механическом исполнении возложенных на него обязанностей, что конечно и было великою заслугою в глазах Петра первого. Впрочем, он был добросердечен, слаб и неосмотрителен. Эти свойства слишком часто соединяются в одном и том же лице. Он не имел прямых понятий о чести; иначе конечно не так бы вел себя, получая оскорбления и подвергаясь унижительным наказаниям.*

От брака с сестрою кн. Меншикова он имел многих детей, но только один из них, Антон (на самом деле Петр Антонович — С. В.), сделался известен (женат был на княжне Долгоруковой — С. В.). Он был камергером при Петре III, сначала как при герцоге Голштинском, потом как при великом князе. По восшествии своем Петр III сделал его своим адъютантом. 29 июня 1762 г. император послал его в Кронштадт, чтобы занять Гавань; но Девиер так плохо распорядился, что комендант Нумерс тотчас же посадил его под арест (по другой версии — сдался добровольно на милость победителей — С. В.)».

Князь Оболенский не прав — прославился как раз не столько царедворец Петр Антонович, сколько его братья-разбойники, которым в своих «Записках» князь Петр Долгоруков вынужден был посвятить достаточно много места, настолько громкими были дела, творимые детьми «доброрядочного» генерал-полицмейстера.

«Поступки и деяния обоих графов Девьеров заслуживают того, чтобы быть рассказанными особо. Они были главарями разбойников в нынешних Воронежской и Харьковской губерниях.

Старший, граф Антон, унаследовал от отца прекрасное поместье Погромец на реке Оскол, в Валуйском уезде; он прикупил как-то земли у одной из своих соседок; уговорил ее подписать контракт о продаже и передать ему землю, а потом заявил, что у него не хватает денег. Когда соседка приехала к нему, чтобы потребовать причитающуюся ей сумму, он предложил вместо денег свое великолепное столовое серебро. Та согласилась, отобедала у графа, приказала упаковать серебро и отправилась в обратный путь. Был темный, холодный, зимний вечер; по дороге ей надо было переехать через замерзшую реку Оскол. Там ее ждали посланные Девьером люди: они остановили экипаж и, чтобы завладеть серебром, хотели уже было утопить ее вместе

с ее людьми. Но в этот момент появилась четверка лошадей: это подъехал городской врач, за которым посылал один захворавший тамошний помещик. Дама, таким образом, была спасена, она подала жалобу и начался уголовный процесс. Поверят ли мне, но в ответ на официальный запрос о поведении и репутации графа Антона Девьера дворяне Валуйского уезда совершили поступок, достойный поношения, — все, без единого исключения, засвидетельствовав его прекрасное поведение! Некоторые поступили так из трусости, другие — в силу отвратительного предрассудка, столь вредительного для просвещения и прогресса и не выкорчеванного еще и до наших дней, что надо избавлять от гласности любую подлость, свершенную значительным человеком! Тем временем процесс шел своим чередом: граф, обвиненный в покушение на убийство и кражу, был сослан в Сибирь, а недостойные дворяне Валуйского уезда на несколько лет были лишены избирательных прав, пожалованных российскому дворянству».

Мы нашли и подробности этого судебного дела (статья «Николай Давыдович Граве. Выговор за оправдание убийцы»):

«Николай Граве, в отличие от подавляющего большинства тульских губернаторов дореволюционной поры, не мог похвастаться великосветским происхождением. Его отец Давид (Даниил) Христианович, сын майора датской армии, прибыл в Россию в свите герцога Голицини, будущего императора Петра III, принял православие, обзавелся семьей и навсегда остался в нашей стране. Служил в Измайловском полку, в чине статского советника возглавлял Монетный двор в Москве. В 1745 году от брака датчанина с русской дворянкой Зайцевой на свет появился сын Николай.

Треть жизни Николая Граве, с 1763 по 1793 гг., связаны с лейб-гвардии Конным полком. Начиная службу в звании корнета, вышел в отставку в чине бригадира и поселился в своем имении в Шешкеевском уезде Пензенского

наместничества. Отставной офицер пользовался авторитетом среди соседей-помещиков и в 1793 году был избран предводителем дворянства местного уезда. С этой должности для Граве началась гражданская служба: сначала на общественных началах, а с 1796 года — «штатная». 28 июня 1796 года Граве получил звание действительного статского советника и должность председателя Воронежской палаты уголовной суда. 6 января 1797 года указом Павла I был назначен владимирским вице-губернатором, через год, 27 февраля 1798 года, переведен губернатором в Тулу.

Столь скорое перемещение сначала во Владимир, а затем в Тулу, современники связывали с криминальной историей в Воронежской губернии, непосредственным участием которой стал Граве, тогда председатель суда.

В 1796 году Граве оправдал жестоких, а по определению императора Павла I, «дерзких преступников», действовавших в духе российских бандитов из других 90-х — конца XX века. Похищение человека, вымогательство, пытки — все это едва не сошло «лихим людям» с рук, потому что один из подсудимых имел графский титул. Фабула преступления вкратце была такова. Граф Девьер решил «помочь» племянникам дворянки Поярковой, которые боялись потерять наследство после женитьбы родственницы: к ней посватался лекарь Гезе. Способ был избран изуверский. Граф Девьер нанял разбойников, которые похитили жениха, после чего потребовал с невесты выкуп — 30 тысяч рублей. Несчастная одинокая женщина обратилась за посредничеством к знакомому кадету, передав для выкупа все имевшиеся у нее наличные деньги — 12 тысяч рублей. Этого оказалось достаточно, чтобы освободить пленника. Но он вернулся домой едва живым. Несколько дней похитители продержали заложника со связанными ногами, началась гангрена, как тогда называли — «антонов огонь», конечности пришлось ампутировать, а вскоре после операции Гезе скончался.

Мученическая смерть лекаря наделала в губернии много шума, было проведено тщательное расследование, и Верхний земский суд пришел к мнению, что граф виновен и должен понести наказание за «злодеяние». По действовавшим тогда в российском правосудии правилам, Верхний земский суд рассматривал уголовные дела по первой инстанции, выносил приговор — мнение, которое отсылалось на утверждение в губернскую палату уголовного суда. К удивлению многих, председатель палаты Граве завизировал другой приговор — оправдательный, указав, что Гезе и Девиер были друзьями и успели помириться до смерти лекаря, никакого вымогательства не было, а Пояркова лишь вернула графу долг в 12 тысяч рублей.

К счастью, незадолго до смерти Гезе написал прошение в Сенат с просьбой обратить внимание на его тяжбу с графом. Приговор воронежской палаты забрали в Петербург «на ревизию» и ужаснулись увиденным фальсификациям.

Дело дошло до императора, который 12 апреля 1798 года назвал деяния Девиера «варварскими, лживыми, наглыми», нарушающими «общее спокойствие и безопасность», лишил графского титула и дворянского достоинства и сослал «в Нерчинск вечно в работу», на каторгу в Сибирь отправились и подельники графа — его дворовые.

Весь состав Воронежской палаты уголовного суда по указу от 12 апреля 1798 года отправили в отставку, 28 воронежских дворян, публично защищавших графа, лишились права когда-либо избираться к общественным должностям. И лишь Николай Граве вышел сухим из воды: император оставил тульского губернатора «при настоящем месте», ограничившись объявлением строгого выговора, «во уважение нынешней его усердной службы».

От расправы Граве спас сенатор М. П. Ржевский, который с середины февраля 1798 года находился в Туле с ревизией по поручению императора: разобрался с жалобой унтер-

вальдмейстера, титулярного советника фон-Винклера «касательно порубки и расхищения в тамошних засеках лесов». В отчете о ревизии сенатор указал, что тульский губернатор «споспешествовал ему во всем» и достоин похвалы. Но вместо монаршей благодарности или даже ордена за усердие из-за старых грехов должен был довольствоваться тем, что остался при должности».

Но история братьев-разбойников на этом не заканчивалась: мы только лишь прервали рассказ князя Петра Долгорукова. Вот его продолжение:

«Брат графа Антона, граф Михаил, родоначальник нынешних графов Девьеров, сумел даже превзойти своего брата. Он проживал в поместье, раскинувшемся по берегам Дона; из дома вел ход в обширные подземелья, где находились гостиные, кухня, спальни и темницы с цепями и железными ошейниками. В крутых берегах Дона были выкопаны глубокие пещеры, где прятали украденных лошадей, на водопой их водили по ночам.

Наскучив женой (это была дочь Адама Васильевича Олсуфьева, статс-секретаря Екатерины II, Софья Адамовна — С. В.), от которой у него было двое сыновей, это чудовище приказал заключить ее в подземную темницу, где несчастная семь долгих лет, до самой смерти, стенала в цепях и в железном ошейнике. Заключив ее в темницу, муж объявил о ее кончине; он устроил пышные похороны, в действительности похоронив поленья в гробу. Он вновь женился, и от второго брака у него был сын Михаил, женившийся впоследствии на своей кузине, Софье Херасковой, племяннице поэта (мать Софьи Херасковой была графиней Девьер, сестрой двух негодяев, о которых я только что говорил).

По странному стечению обстоятельств течение жизни старого разбойника Михаила Девьера потерпело жестокое крушение так же, как и жизненное поприще его старшего брата, на краже серебряной посуды. Однажды, обедая

у богатого помещика, в сотне верст от своего дома, он пришел в восхищение от великолепной серебряной посуды хозяина и решил ею завладеть. Он подкупил дворецкого, крепостного этого помещика, пообещав ему не только надежный приют, но еще и вольную, которую граф Девьер обещал ему даровать, словно тот был его крепостным. Дворецкий украл посуду, принес ее к графу и поселился у него. Но, чтобы отделаться от опасного свидетеля, граф дал ему на следующую зиму поручение в соседнем городе, а кучеру приказал убить его и спустить тело под лед. Но тело выловили, а в кармане покойника нашли собственноручное письмо Девьера, подстрекавшее дворецкого украсть серебро, с обещанием убежища и получения вольной. Начался судебный процесс: графу грозила ссылка в Сибирь. Тогда Девьер объявил о своей смерти; он организовал для самого себя ложные похороны, как он сделал это для своей первой жены, и преспокойно жил еще многие годы, до самой своей естественной смерти, под защитой подкупленных им местных властей».

Есть и другая версия этой истории, в которой в качестве жен Михаила Девиера выступают уже не два, а три действующих лица:

«ДЕВИЕР МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ 1740-е — после 1796, граф. Помещик Валуйского уезда Воронежской губернии. Подполковник. Знаменит М. П. Девиер стал своими брачными авантюрами. 11 ноября 1768 г. он женился на СОФЬЕ АДАМОВНЕ ОЛСУФЬЕВОЙ († 21 декабря 1786), дочери статс-секретаря Екатерины II А. В. Олсуфьева (1720–1784), от этого брака родился сын Владимир. Не разведясь с нею, 9 февраля 1775 г. Михаил Петрович вступает в брак с АННОЙ ГРИГОРЬЕВНОЙ ГОРЛЕНКО († 1777), дочерью подкоморного Прилуцкого полка. От этого союза родился сын Михаил (р. ок. 1775), а Анна Григорьевна, узнав об обстоятельствах своего незаконного брака, скончалась в 1777 г. Третьей женой Михаила Петровича в 1780 г. стала дочь

майора МАРИЯ ЯКОВЛЕВНА РЕВЯКИНА (р. 1762). Между тем развод с первой женой так и не был оформлен. Более полувека продолжалось в Сенате и Синоде дело «О троеженстве подполковника графа Михаила Девиера и происшедшем от незаконных браков его потомстве, которое неправильно присвоило себе фамилию Девиеров и графское их достоинство». Самое интересное, что старший сын, Владимир, настаивал на законности своего брата Михаила, а активно возражал их двоюродный брат Дмитрий Борисович. Чем закончилось дело, неизвестно: в литературе и в документах не обнаружено окончательного решения Сената или Синода. Известно лишь, что в начале 1780-х гг. в течение двух лет граф в наказание находился на церковном послушании в Валуйском Успенском монастыре. Помимо двух упомянутых сыновей, у Михаила Петровича были еще два сына, Петр (р. ок. 1784) и Аполлон (р. ок. 1789) и три дочери, Пелагея (р. ок. 1785), Александра (р. ок. 1786) и Анна (р. ок. 1796) — от третьего брака. В конечном итоге все потомки троеженца стали писаться графами Девиерами.

Дети:

От первого брака с С. А. Олсуфьевой:

ВЛАДИМИР ок. 1770, умер капитаном. Был женат на Варваре Осиповне Цызыревой.

От второго брака с Анной Григорьевной Горленко:

МИХАИЛ 1775, майор

От третьего брака с Марией Яковлевной Ревякиной:

ПЕТР 1784

ПЕЛАГЕЯ 1785

АЛЕКСАНДРА 1786

АПОЛЛОН 1789

АННА 1796».

В Родословной книге князя Лобанова-Ростовского также отмечены в части, касающейся «выдающихся заслуг рода», подвиги сыновей генерал-полицмейстера:

ДЕВИЕРЫ.

р. 1784; Аполлонъ, р. 1789; и дочери: Пелагая, р. 1785; Александра, р. 1786, и Анна, р. 1796.

Болѣе 30-ти лѣтъ продолжалось въ Сенатѣ и Синодѣ дѣло «о троеженствѣ подполковника графа Михаила Девіера и происшедшемъ отъ незаконныхъ браковъ его потомствѣ, которое неправильно присвояетъ себѣ фамилію Девіеровъ и графское ихъ достоинство», возбужденное графомъ Дмитріемъ Борисовичемъ, (№ 13), а за его смертью веденное двумя старшими его сыновьями; окончательное рѣшеніе Сената постѣдовало въ 1832 г.

О графѣ Борисѣ Петровичѣ (№ 9) производилось въ 1791 г., въ Воронежской губ., уголовное дѣло, по коему онъ, вмѣстѣ съ майоромъ Александромъ и поручикомъ Сергѣемъ Потуловыми, признанъ виновнымъ «въ умышенномъ призывѣ лекаря Гезе къ Девіеру подъ видомъ гостепріимства, въ насильномъ увозѣ его изъ города Валуйекъ, въ связаніи ему рукъ, зажиманіи подушкою рта, давленіи ногъ и держаніи за карауломъ, по разнымъ мѣстамъ, до самыхъ тѣхъ поръ, доколѣ Девіеръ не получить отъ родной тетки Потуловыхъ, бездѣтной вдовы, подполковницы Поярковой, у коей жилъ тотъ лекарь, выкуну за него 12,000 руб. и 10 душъ крестьянъ, принуждая его на сей конецъ переносывать сочиненныя ими къ Поярковой письма и доведя его черезъ таковыя жестокости до того, что онъ сдѣлался боленъ, лишился ногъ и умеръ». Кромѣ того, Девіеръ обвинялся и въ разныхъ другихъ поступкахъ «варварскихъ, воровскихъ, лживыхъ, наглыхъ, буфивственныхъ, оскорбляющихъ личную честность и разрушающихъ общежитіе». За все это повелѣно Бориса Девіера лишити графскаго титула и дворянскаго достоинства, вывести на площадь, прочесть ему сентенцію, Сенатомъ опредѣленную, и выслать въ Нерчинскъ, вѣчно въ работу, а Потуловыхъ, лиша чиновъ и дворянства, сослать на вѣчное поселеніе въ Сибирь. Надъ Борисомъ Девіеромъ рѣшеніе это приведено въ исполненіе въ С.-Петербургѣ, 15 апр. 1798 г. (1 Пол. Соб. Зак., № 18511; сенат. указъ 30 апр. 1798 г.).

Вы думаете, на этом приключения этой русской семьи бывшего португальского еврея Эммануиля Де-Вийера заканчиваются?

В таком случае должен вас разочаровать.

Они только начинаются.

Дочь царедворца Петра Антоновича, придворная карьера которого закончилась вместе со смертью его патрона — императора Петра Федоровича, имел много детей: четырех сыновей — Николая (отставной корнет), Михаила (подполковник, ок. 1750 —?), Петра (капитан) и Бориса (секунд-майор) (1759 —?), и четырёх дочерей: Екатерину (замужем за А. Д. Чичериным), Анастасию (1749—?) (за А. А. Дуниным), Елизавету (1754–1829) (за П. М. Херасковым) и Варвару.

Речь пойдет теперь о детях Екатерины Петровны Девиер (в замужестве Чичериной).

Афанасий Чичери, родоначальник Чичериных, — итальянский архитектор, выехал в Москву из Италии в свите Софии Палеолог в 1472 году. Он участвовал в сооружении московских церквей, в том числе и в Кремле. В дальнейшем Чичерины служили стольниками, воеводами, посланниками, участвовали в Казанском походе и событиях Смутного Времени, подписывались под грамотой об избрании на престол царя Михаила Федоровича Романова, принимали участие в Азовском походе Петра I и войнах со Швецией.

Александр Денисович Чичерин, муж Екатерины Девиер, был Белевским уездным (Тульская губерния) предводителем дворянства, бригадиром. У супругов Чичериных тоже было многочисленное потомство — семь сыновей: Виктор (1777–1871, коллежский асессор), Петр (1778–1848), Николай (1778–1848, генерал-майор), Дмитрий, Денис, Сергей, Антон (1789–1871, статский советник, камергер, похоронен в Сергиевой пустыни в Санкт-Петербурге).

Екатерина Петровна Чичерина (Девьер)

А вот любопытные строки из автобиографии одного из потомков Антона Девиера, «соблазнившего» в свое время сестру князя Меншикова:

Княгиня Александра Алексеевна Куракина

«Отец Павла Петровича, Петр Александрович Чичерин, боевой генерал, участник Отечественной войны 1812–13 годов, увез жену Александру Алексеевну Куракину у мужа Н. С. Салтыкова и женился на ней без формального развода. Однако позже все дети от этого брака (четыре сына и две дочери) были признаны законными по Высочайшему указу Александра I, в том числе и прадед моей матери Павел Петрович Чичерин. Двоюродным братом Павла Петровича был Борис Николаевич Чичерин, Московский городской голова, известный ученый, писатель и педагог. Племянник Бориса Николаевича, Георгий Васильевич Чичерин стал наркомом иностранных дел РСФСР и СССР (1918–1930 гг.). Дед моей матери Сергей Павлович Чичерин был женат на Александре Николаевне Кеммерер, известной петербургской балерине.

Детство моей матери прошло в поместье Чичериных Ольгино под Александровом, полученном ее прадедом по материнской линии Павлом Петровичем Чичериным в приданое при женитьбе на княжне Ольге Павловне Голицыной, внучке фельдмаршала Румянцева, побочного сына Петра I. Мать будущего полководца, графиня Мария Андреевна Матвеева была выдана замуж беременной в 19-летнем возрасте за приближенного к императору Александра Ивановича Румянцева. Неожиданная смерть императора еще до рождения ребенка могла послужить поводом назвать новорожденного Петром. Крестной матерью младенца была императрица Екатерина I. При императрице Елизавете Петровне А. И. Румянцеву был пожалован графский титул. Графиня Мария Андреевна Румянцева (Матвеева) была внучкой княжны Евдокии Григорьевны Гамильтон, в замужестве Матвеевой, по происхождению шотландки, находившейся в прямом родстве с королевским домом Стюартов в Великобритании.

Сам граф Петр Александрович Румянцев, несмотря на свои юношеские скандальные похождения, пользовался постоянным расположением императрицы Елизаветы Петровны и сделал блестящую военную карьеру. Императрица Екатерина II назначила П. А. Румянцева генерал-губернатором Малороссии. За разгром превосходящих сил турецкой армии при р. Кагул в 1770 году и другие победы в войне с Турцией он получил фельдмаршалский жезл и приставку к фамилии “Задунайский”. Фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский имел от княжны Екатерины Михайловны Голицыной трех сыновей (Михаила, Николая и Сергея).

Сергей Петрович Румянцев не был женат, так же как и другие братья, но имел трех внебрачных дочерей с Натальей Николаевной Нелединской-Мелецкой, получивших фамилию Кагульских (вспомните битву при Кагуле!): Екатерину Сергеевну, замужем за полковником князем П. И. Мещерским, Зинаиду Сергеевну, замужем за генерал-лейтенантом Н. А. Дивовым, и Варвару Сергеевну, замужем за действительным статским советником, камергером князем П. А. Голицыным. Княгиня Варвара Сергеевна Голицына и стала матерью княжны Ольги Павловны Голицыной (в замужестве Чичериной).

Граф Сергей Петрович Румянцев, дипломат, политик и меценат, вошел в историю как инициатор Указа о вольных хлебопашцах 1803 г., позволявшего помещикам освобождать крепостных крестьян с земельным наделом. После смерти брата Николая Петровича, канцлера, мецената и коллекционера, учредителя Румянцевского музея, Сергей Петрович принял активное участие в обустройстве и организации Румянцевского музея в Санкт-Петербурге, открытого в 1831 году. На свои средства он произвел необходимую перестройку дома Румянцевых на Английской набережной, пополнил

коллекцию брата новыми предметами из семейного мемориального собрания..., и передал Румянцевский музей в ведение Министерства Народного Просвещения. Библиотека в 10 тыс. томов, портрет С. П. Румянцева работы В. А. Тропинина... поступили в Музей по завещанию, уже после смерти графа в 1838 году. Позже Румянцевский музей был перемещен в Москву, в дом Пашковых, а в советское время расформирован. Старинные рукописи и книги остались в Ленинской библиотеке, исторические артефакты попали в Музей изобразительных искусств им. Пушкина, а уникальная коллекция уральских самоцветов оказалась в Минералогическом музее АН СССР и музее МГРИ.

Моя бабушка Надежда Сергеевна (в замужестве Грессер) умерла при родах дочери в 1897 году.

Воспитанием моей матери занимались няни и гувернантки. Моя мать очень любила дядю Тихона Сергеевича, ученого-энтомолога, который участвовал в экспедициях Семенова-Тяньшаньского и охотно показывал своей племяннице коллекцию бабочек, жуков и других насекомых. Тихон Сергеевич застрелился в результате неразделенной любви. Позже поместье Ольгино было продано».

Автором этих строк является Николай Федорович Челищев, правнук русского поэта Алексея Хомякова и внук другого русского поэта Федора Алексеевича Челищева. В нескольких стихотворениях поэта, которые мы ниже приводим, отразилась целая эпоха — эпоха чувств и эпоха событий, которые эти чувства попыталась перечеркнуть. Федору Алексеевичу выпало испытать в этой жизни все, что только можно, — и любовь, и ненависть, и чувство восторга от победы революции, и отчаяние смертника Гулага... Он умер в самом начале Великой Отечественной войны.

Фёдор Алексеевич Челищев
(1879–1942)

НА ЗАРЕ

Если утро светло
И в росинках трава на поляне,
И вода, как стекло,
Еще нежится берег в тумане...
Не грусти ты о ней!

Ты пройди по лугам,
Перекинув ружье через плечи.
В этот час по кустам
Кто-то шепчет веселые речи...
Ты не думай о ней!

Точно птичка она
Пробуждается с песней счастливой.
Чу! Плеснула волна,
Встрепенулись у берега ивы.
Это вздох от полей...

Там внизу, у бахчи,
Где так пышен подсолнух росистый,
Где, копаясь, грачи
Ходят важно по грядке пушистой,
Было б весело ей...

Старый дед уже здесь
И ворчит себе под нос сурово,
В своих хлопотах весь.
Ты скажи ему: «Дедко, здорово!»
Улыбнулся старик...

И как весело вдруг!
Отчего вся душа встрепенулась?
Все как прежде вокруг...
Не она ль уж тебе улыбнулась,
Отвечая улыбке твоей,
Из росистых ветвей?

10 июля 1910 года. По дороге из Павловки

Как радостно нам было бы с волхвами
За дивною, таинственной звездой
Идти во след песчаными степями
С открытою к великому душой!

И счастливы мы были бы как дети
Зажечь звезду, ходить из дома в дом,
Где люди спят и где в смиренной клетки
Смиренная скотина за плетнем.

Других людей разбудим мы приветом,
Чтоб теплилась огнями ночи мгла,
Чтоб детской песне вторила ответом
Небесных сил могучая хвала.

Святки, 1913 год. Федяшево

Тяжелых двадцать лет обмана и насилья
И душной и глухой тюрьмы!..
Отвыкшему летать уже не нужны крылья,
И уж не выпрямимся мы.

И к Богу хилые, без слез, без упования
Мы шлем бескрылые мольбы.
И уж в душе нет сил хотя бы для роптанья
На горечь тягостной судьбы.

А день идет — Твой день! Земля дрожит под нами,
И грозным трубам внемлем мы,
И уж слабее стиснуты замками
Засовы тяжкие тюрьмы.

На этот блудный мир, мир злобы, мир измены
Идет, идет Твой грозный суд...
Быть может, миг еще — и рухнут эти стены,
И нас собою погребут.

А мы?! Мы холодны, как самая темница,
Мы камня этого мертвей.
И если сила есть у нас еще молиться,
То лишь — да будет все скорей...

Но что если не так?.. От века утаенный,
Совет Твой — нам неведом он!..
Но — распахнется дверь, и солнцем ослепленный,
Услышишь: «Лазарь, выйди вон!..»

С чем выйдем мы тогда?.. Дыханием гробницы
Дохнем ли мы на Божий мир?
Дерзнем ли, мертвецы, войти в живых светлицы,
Скопцы — возлечь на брачный пир?

Но суд Твой милостив, о Боже! Да не будет!
Живя, нас духом окрыли,
Творить Твои дела, да жизнь нам жизнью будет!
Иль нас огнем испепели!

21–28 октября 1937 года. Норское

Господь терпел и нам терпеть велел.
О, Русь моя! Тебе ль не знать?
Терпенье
Все перетрет — и Грозного царя,
И крепкие татарские арканы,
И наших дней жестокую беду:
Насильников стальные караваны
И «просветителей» безграмотных орду.

Сентябрь 1941 года. Москва

О судьбе потомков генерал-майора Григория Григорьевича Скорнякова-Писарева согласно закону жанра о том, что обозначенное в первом акте ружье должно обязательно выстрелить в финале действующего спектакля, мы узнаем из протоколов многочисленных судебных тяжб, из которых выясняется, что и потомки Скорнякова-Писарева также (как Девиеры с Румянцевыми) породнились с одним из незаконных потомков царя Петра I — графом Чернышевым:

«Местонахождение села Скорняково

Село Скорняково находится в 35 верстах на север от уездного города Задонска, вверх от него по реке Дон, и расположено, на самой границе Елецкого уезда Орловской губернии, по течению Дона по обеим сторонам его, занимая низменность в длину около 3-х верст. Наибольшая часть села находится на низменном левом берегу реки Дон, где находится приходская церковь, кладбище, дома духовенства и усадьба помещицы генеральши Муравьевой. А на правой гористой стороне реки находится другая меньшая часть (около 300 жителей мужского пола), приходская слобода Задонская, которая, хоть состоит приходом к селу Скорняково, в гражданском отношении находится в ведении Елецкого уезда. Кроме того к приходу села Скорняково

принадлежат деревни: Обедищи в 6-ти верстах, Матюшкино¹ (она же Копьян) в 3-х верстах и Гороховка² в 5-ти верстах и несколько дворов в деревне Засосенской с усадьбой помещика Михаила Ильи Бибикова. Граничит село Скорняково на севере с Отскочным, на востоке с Тростяным и Ивовым, на юге с Патриаршим и на западе с Голиковым Елецкого уезда. Жителей в Скорняково мужского пола 1095, женского пола 1128.

Ближайшие города к селу Скорняково следующие: на востоке Липецк Тамбовской губернии в 40 верстах, на западе Елец Орловской губернии в 25 верстах (куда все жители этой местности постоянно сбывают свои деревенские произведения, и где покупают для себя все необходимое); на Севере, вверх по реке Дон Лебедянь Тамбовской губернии в 40 верстах; на юге, вниз по течению реки Дон уездный город Задонск в 35 верстах (куда жители обращаются только по административным распоряжениям, да еще для поклонения мощам Святителю Христову Тихона)».

Исторические сведения о селе Скорняково (Архангельское и Ивановское тож).

Из записок генерала Н. Н. Муравьева (Карского) 1842 года.

Первоначальное население

«По делам Вотчинной Конторы, хотя нет определенно-го сведения, к какому времени должно отнести начальное поселение дворов села Архангельского, и кто были первые его владельцы, но с 1680 года оно уже было населено и имело церковь во имя Архистратига Михаила. Помещик этого села, Григорий Нефедович Скорняков-Писарев, имевший землю, доставшуюся ему в том году по мене от Федора Бегичева: 125 четвертей в поле, и две под Пружинским лесом на крутом верху (что ныне земля села Архангельского), в 1681 году Царю Федору Алексеевичу приносил жалобу: «что на село его приезжали воровски два раза (первый в 1680 году, а второй

в 1681 году) нарочные люди — дети боярские: Моисей Ко-
лычев и Яков Комаревцев с товарищами, человек до 70-ти,
с луками, с пищалями, с топорами и с бердыщами; и чело-
века его Евсея Григорьева, да крестьян его человек до 25-ти
били, изувечили и ограбили, а село пожгли все без остатка,
по крестьянам его стреляли из пищали, и отогнали 19-ть
лошадей». Для разбора сей просьбы и удовлетворения про-
сителя был прислан от Царя Елецкому Воеводе Стольнику
Савве Васильчикову указ.

18 Мая 1683 Цари и Великие Князья Иоанн Алексеевич
и Петр Алексеевич, за его, Григория Нефедьева Скорняко-
ва-Писарева долгую службу, и за то, что он, будучи в Цар-
ском походе в селе Коломенском, Саввинском Монастыре,
селе Воздвиженском, Троице-Сергиевом Монастыре, во
время нашедшего в Их Императорских Величеств³ Цар-
ствующем граде Москве мятежа и нестроения, служил
им, Великим Государям, Царям и Великим Князьям вер-
но. И в осеннее время в вышеупомянутый Царский поход
в село Воздвиженское и в Троице-Сергиев Монастырь при-
ехал в скорых числах со своими людьми, и всякую нужду
принимал; а с другими боярами и Воеводами, видя в Москве
нашедший мятеж и нестроение, стоял крепко, мужествен-
но и верно; с усердным радением, и за помощью Всемогуще-
го Бога тот мятеж и нестроение утишились. Поэтому,
Великие Государи за ту верную службу хваля, пожаловали
ему, с поместного его оклада с 780-ти четвертей, со ста
по 10-ти, итого семьдесят восемь четвертей, из его поме-
стья вотчину, в Лебедянском уезде, в городском стану, пу-
стошью — диким полем, под Пружинским лесом возле реки
Дон, на крутом верху, близ прежних его дач (что ныне дача
села Архангельского). Ему же, Григорию Нефедьеву Скор-
някову-Писареву, отшло по мене в 1692 году от Тулянина
Давыда Григорьева сына Нестерова под тем же Пружин-
ским лесом, на Тростянском верху 185 четвертей. И вся

та земля как жалованная, так и меной приобретенная, посланным межевищиком Стольником и Воеводой Иваном Ляпуновым в 1694-м году отмежевана особо. В том же году 1 февраля дана ему, Григорию Нефедьеву Скорнякову-Писареву, так называемая вводная грамота, коей повелевалось: всем крестьянам, которые будут на его земле жить, чтоб его слушали, пашни на него пахали, и доход помещиков ему платили. А в 1697-м году ему же, когда он был в чине Стольника, отошло по мене от Андрея и Федора Протопоповых, в Лебедянском уезде, в градском стану, под Пружинским лесом, на реке Дон 37 1/2 четвертей с четвериком и получетвериком в поле.

Григорий Нефедьевич Скорняков-Писарев имел трех сыновей: Генерал Майора Григория, Бригадира Богдана и Ивана. Из них Богдан и Григорий, кроме отцовского, приобрели в селе Архангельском сами некоторую часть покупкой. Из сих трех братьев прежде всех умер Иван, после коего, оставшиеся в живых два брата Григорий и Богдан, в 1711 и 1719-м годах, часть умершего брата расписали между собой так: Лебедянское имение (что ныне Задонское), село Архангельское со всеми землями, и Елецкое имение (что ныне также Задонское), в селе Тростянном, в Ивовом, в Истобном (ныне Калинино), в Студенце, в Рогожне и в Фаустовой слободе досталось Богдану; а Григорий взял себе Каширские имения, и потому за ним Богданом Скорняковым-Писаревым в селе Архангельском, еще по 1-й ревизии состояли крестьянские души, но, сколько числом, по делам не видно.

Богдан Скорняков-Писарев, владея сим имением, при жизни своей по письменной челобитной 16 Октября 1730 года, всему тому имению, кроме Каширского и Лебедянского, то есть села Архангельского и Елецкого, села Тростяного и Студенца, учинил наследницей дочь свою девицу Марью. Которая после того была за мужем за

Камер-юнкером Иосифом Ефимовским (племянником императрицы Екатерины I и двоюродным братом императрицы Елизаветы Петровны, на единственной дочери которых — Елизавете Осиповне (Иосифовне) Ефимовской (1734–1755) был женат первым браком Иван Григорьевич Чернышев, сын Петра I, у них был а дочь Евдокия — С. В.); Каширское имение оставил на пропитание себе; а Лебедянского и Елецкого, всего того, что было за ним по дачам, написал по смерти своей 4-ю часть жене своей Марфе Михайловой, но с тем, что после смерти ее и после своей смерти, все то имение определил ей же, дочери своей без отрешения.

В 1737 году Богдан, а потом и дочь его Мария Ефимовская умерли. После сей последней осталась наследницей дочь ее девица Елизавета, именем которой завладела бабка ее, вышеописанная Марфа Скорнякова-Писарева; о чем 5 Августа 1740 года принес жалобу отец ее, Граф Ефимовский Иосиф. Но не смотря на это, она, Марфа из того имения продала в селе Тростянном купленные мужем ее 4-ре усадебных места Княгине Марье Мецкерской. 7 Марта 1744 года в определенном ей от мужа ее по ее смерти Лебедянского недвижимого имения в селе Архангельском, в землях, в людях (т. е. дворовых) и крестьянах по раздельной записи от крепостных дел, учинила с деверем своим Генерал-Майором Григорием Скорняковым-Писаревым полюбовный раздел, по которому чем владеть написано именно; и запись та от него Скорнякова-Писарева Григория вотчинной Коллегии со взятием указных пошлин была явлена 20 Октября 1749 года. Но прежде, нежели заведенное о том дело было решено оной Коллегией, именным Ее Императорского Величества Императрицы Елизаветы Петровны указом, данным Правительствующему Сенату 16 Ноября 1749 года, велено: те Богдана Скорнякова-Писарева недвижимые имения отцовские, доставшиеся по разделу с братом его Григорием Скорняковым-Писаревым и собственные его, все,

что было за ним по дачам и крепостям, справить за внучкой его Богдановой, той Елизаветой Ефимовской, сговоренной тогда, а потом вышедшей в замужество за Графа Ивана Григорьевича Чернышева. Выделя из того указную часть на пропитание жене его, Богдановой вдове Марфе Михайловне, из одних тех деревень, которые от мужа ее при себе на содержание по ее смерть определил собственное же ее Марфино недвижимое при ней да будет по ее смерть; только как из оного, так и из мужнего, что ей на указную часть достанется, в жизнь свою ей никому не продавать, и не закладывать и не разорять, под лишением оных. Что же она Марфа с определенных от мужа ее дочери их Марье в наследство деревень, по смерти ее Марьиной во владение свое оными доходов получала, и оные все ей Марфе вышеупомянутой внучке своей Елизавете как собственное ее после смерти в наследство надлежащее возвратить. А то, что недвижимого посторонним продала: то освидетельствовать, и ежели те продажи и сделки учинены правильно без всякого подлогу, и тому проданному быть за теми, кто купил, а сделку засвидетельствованную оставить, а ей Марфе то проданное зачесть на указанную часть; а в которых явится подлог, те возвратить в зачет той же указной части 4.

1 Апреля 1750 года Марфа Скорнякова-Писарева умерла, а за смертью ее, ни той указной части ей выделено не было, ни доходов в пользу внучки ее с нее не взыскано. А утверждено то имение все дедовское Бригадира Богдана и собственные ее Марфы за ней, Графиней Чернышевой, как по тому именному указу, так и по решению вотчинной Коллегии 8 Июня 1750 года. Равномерно тем же решением сделка ее Марфы с деверем Генерал-Майором Григорием Скорняковым-Писаревым об Архангельском имении уничтожена. Проданные в селе Тростянном четыре усадебных места утверждены за княгиней Мещерской; ибо выданная

на них от Марфы Скорняковой-Писаревой купчая оказалась совершенно без подлога и правильно.

На основании сих состоявшихся: именного указа и решения вотчинной Коллегии оные имения, за ней, Графиней Елизаветой Чернышевой по двум отказам, бывшим 21 июня и 5 Августа 1750 года, справлены и отказаны, бесспорно, с прописанием в тех отказах самого количества земли, и с бывшими за Марфой Скорняковой-Писаревой по 2-й ревизии в селе Архангельском крестьянскими душами. После того, а именно в 1755 году, жена Графа Ивана Григорьевича Чернышева, Елизавета умерла, оставив одну дочь Графиню Евдокию; но и она 29 Декабря 1758 года умерла. Со смертью дочери Граф Иван Григорьевич остался бездетен. И в имении жены своей наследовал во всех деревнях в одной только указной части; а все остальное наследовал дядя ее Майор Иван Григорьевич Скорняков-Писарев (сын Генерала Майора Григория), с которым он 12 Июня 1759 года учинил в вотчинной Коллегии полюбовный раздел. По сему разделу Графу досталось, вместо клочков во всех деревнях, к одному месту Лебедянского уезда (что ныне Задонского) село Архангельское и село Ивановское с принадлежащими к тем селам землями: в селе Тростяном, Истобном, Ивовом, Фаустовой слободке и в деревне Кураповой; и что явится во всех дачах по крепостям и сделкам с покойным отцом его Генерал-Майором Григорием Григорьевичем Скорняковым-Писаревым, что было куплено на его имя к тем селам: земель, людей и крестьян с принадлежащими к ним всякими угодьями с людьми и крестьянами, кои во второй ревизии написаны и в подушный оклад положены, в тех селах: Архангельском, Ивановском, не выключая ничего, что ему Майору Ивану после дяди его Богдана Григорьева в оных селах по наследству надлежит, с помещицъим в оном дворе, мельницей и винокуренным заводом, и со всяким каменным и деревянным строением, что он Граф Иван Чернышев при

жизни покойной жены своей обучал разным мастерствам, а именно: Никиту и Родиона Черновых с женами и детьми, Никиту Сермягина, Трифона Андреева, Александра и Ивана Эскелевых, Якова Шетравина, и вдову, написанного по первой ревизии Калмыцкой нации Егора Богданова сына Соколова, жену его Анну Петрову с детьми, Калмыцкой же нации Иваном Андреевым с женой и детьми и со всеми их пожитками. Порожные же земли в селе Студенце и в селе Ивовом вместе с другими именьями достались ему Майору Ивану Григорьеву Скорнякову-Писареву, от коего впоследствии времени Граф Иван Григорьевич приобрел еще земли покупкой, по купчей 18 Июня 1759 года в селе Тростянном 70 четвертей, дошедшие ему продавцу, по покупке же от солдата Родиона Чернова. Потом в вышеописанном разделе он Граф Чернышев и Майор Иван Скорняков-Писарев вотчинной Коллегии были допрашиваемы, и в допросе оной вполне утвердили. Поэтому решением вотчинной Коллегии, состоявшейся 2 Августа 1759 года, велено: эти именья окажутся не вымороченными, и недоимки, неописанными, и кроме Ивана Скорнякова-Писарева других наследников ближе нет, то доставшиеся каждому части справить и отказать за ними, Графом Иваном Чернышевым и Иваном Скорняковым-Писаревым, которые и отказаны за Графом Чернышевым по двум отказным книгам, 30 Сентября и 7 Октября 1759-го года. Почему во время наступившей в 1762 году третьей ревизии крестьяне же и дворовые люди села Архангельского были положены уже за ним, Графом Иваном Григорьевичем Чернышевым, в количестве 502 души, как о том видно из решения Правительствующего Сената 1801-го и 1802 годов.

Но в то время, когда Майор Иван Скорняков-Писарев подал от себя просьбу о подобном отказе за ним его части: тогда возник спор о правах сего наследства от Полковницы Татьяны Михайловой Волковой и Порутчицы Ксении

Васильевой Загряжской, которые называя себя ближайшими именуя тому наследницами, потому что из них Волкова была родная сестра Марфы Скорняковой-Писаревой, а Загряжская племянница, происходившая из одного с ней Марфой рода Огаревых, просили то имение, взяв от Графа Чернышева и от Майора Ивана Скорнякова-Писарева, отдать им. Но не смотря на эти споры, вотчинная Коллегия решением своим, состоявшимся 2 Апреля 1761 года, определила: «об отказе доставшегося ему Майору Ивану Скорнякову-Писареву имения послать куда следует указ, в силу которого оное ему 21 Мая того года отказано, при отказе сем найдены живущими на земле Ивовской ее Г-жи Волковой крестьяне, признанные отказником, следующими ему же, Ивану Скорнякову-Писареву, о чем и в отказной книге именно написано; а о части Графа Чернышева никакого суждения в том решении не было, но велено о спорах Волковой и Загряжской, справясь и выписав, доложить впредь Коллегии особо».

В том же 1761 и 1762 годах обе просительницы Волкова и Загряжская умерли, после коих Капитанша Екатерина Федоровна Васильчикова, также из рода Огаревых, поданным в Мае 1763 года в вотчинную Коллегию прошением присвоила это наследство себе, и также просила Лебедянские и Елецкие имения, село Архангельское, Тростяное с прочими справить за ней. Но окончательным решением оной Коллегии посему спорному делу, состоявшемуся 29-го Декабря 1763 года, пунктом 1-м, оное опять утверждено за Графом Чернышевым и раздел его с Майором Иваном Скорняковым-Писаревым оставлен в своей силе. А из пусто-порожней земли собственно по покупке вдовой Марфой Скорняковой-Писаревой в Лебедянском уезде по конец дач села Фаустова (что ныне в селе Архангельском), 22 четверти и в селе Тростяном 50 четвертей, велено наперед выделить указную часть, по пропорции со ста по 15-ти

четвертей, что причтется Графу Чернышеву; а остальную отдать в род Огаревых, то есть оставшейся в живых последней просительнице Васильчиковой.

В 1763 году прекратились всякие споры о сем имени, и Граф Иван Григорьевич Чернышев остался единственным владельцем оного, присовокупив к тому еще земли покупкой 18 Ноября 1765 года от Помещика Алексея Дитятева 112-ть четвертей в поле; да у Майора Ильи Лихарева 21 Июля 1768 года 253 четверти; да в 1772 году от Прапорщика Федора Андреева (сколько же числом — не означено).

После смерти Графа Ивана Григорьевича, имение сие досталось сыну его (от второго брака) Действительному тайному советнику Графу Григорию Ивановичу Чернышеву. И когда возникшее общее по Государству генеральное межевание дошло до села Архангельского, то часть земли при оном селе количеством 1349 десятин 132 квадратных сажень, тогда же вымежевана Графу Чернышеву в его особенное единственное владение; а прочие за тем земли села Архангельского в количестве 5108 десятин 2229 сажень, размежевав в одну окружную межу вместе с селом Гростяным, сельцом Гагариным и деревней Неупокоевой (ныне Обедищи), принадлежащими разным владельцам. Причем у них, из примерной земли, 247 десятин отрезано в казну за то, что они после запретительного указа выступили из границ старого своего владения и производили о том споры. В то же время Граф Чернышев сии 247 десятин просил отдать ему взамен отошедших у него в Елатомском уезде рыбных ловель, так называемыми полянскими водами, которые решением Правительствующего Сената общего собрания первых трех департаментов, изъясненного в указ его Межевой Канцелярии 10-го Мая 1810 года, велено ему предоставить, которая ему, Графу Чернышеву, и предоставлена, и особый план на нее выдан и хранится ныне при делах вотчинной конторы села Архангельского, Скорняково тож.

Так как в вышеописанном решении Правительствующего Сената 1801-го и 1802 годов более обсуждался спор собственно о присвоении из особенного владения Графа Чернышева части земли села Архангельского другими владельцами в общее их чрезполосное владение: то все другие земли Графа Чернышева по тому селу и по селу Тростяному, как не относящиеся до той особенно вымежеванной его части, остались до ныне в общем чрезполосном владении вместе с деревней Неупокоевой от Господина первого, приобретенною по купчей от 6 Июля 1783-го Графом Иваном Григорьевичем Чернышевым и присоединенною к селу Архангельскому.

Вслед за тем, 1801-го и 1802 годов от Помещицы села Тростяного Г-жи Хрущевой возник спор об излишне, будто прихваченной ее земле, крестьянами Графа Чернышева и Полковника Давыдова, и потому просила ее дачу от всех владельцев вымежевать особо. Спор сей по определению Правительствующего Сената 26 Марта и 2 Мая 1806 года решением, что о разрешении на каком основании должно оканчивать все подобные споры по именному Высочайшему указу, еще 10 Декабря 1798 года повелено рассмотреть в общем, первых трех департаментах собрания и постановить правила к единообразному действию; но как оных еще не издано: то до издания их заведенное по просьбе Хрущевой дело, уничтожить, производством, тяжущихся оставить каждого при прежнем, бывшем их до подачи от Хрущевой прошения, владении, до того времени пока последует предписание от межевых правительств о приведении вышеописанного решения Правительствующего Сената 1801-го и 1802 годов в надлежащее исполнение. Но окончательно сей спор прекратился в 1808-м году через покупку супругой Графа Чернышева, Графиней Елизаветой Петровной, от дочери Госпожи Хрущевой Статской Советницы Натальи Чертковой, всего ее имения и особо земли в селе Ивово.

По смерти же Григория Ивановича и его супруги, село Архангельское и поселенная против онога за рекой Дон в Елецком уезде слобода Екатерина-Задонская, и слободы: Аннинская и Засосенская до 1837 года состояли в общем владении всех наследниц. Но в 1837 году между ними последовал раздел, по которому слободы Екатерина-Задонская, Аннинская и Засосенская, заложенные в Московском Опекунском совете достались малолетним детям Гвардии Капитанши Александре Григорьевне Муравьевой; а село Архангельское и село Тростяное Генерал-Лейтенантше Наталье Григорьевне Муравьевой вместе с особо отмежеванной землей в селе Студенце, дошедшей Графу Чернышеву Ивану Григорьевичу по двум купчим: 1-й от 13 Июня 1757 года от Лебедянского Помещика Ивана Лаврентьева сына Зубарева 30 четвертей, 2-й от 4 Ноября 1760 года села Студенца от помещика Агафона Кузмина Воронова 25 четвертей, с винокуренным заводом и водяной мукомольной мельницей, на которую и план хранится при делах вотчинной конторы.

Все же имение заключается в количестве 863-х по ревизии душ и земли 5311 десятин. И особо землей села Иво-во, дошедшей от госпожи Чертковой в 1808 году вместе с селом Тростяным, которую донныне паишут крестьяне села Архангельского и Тростяного. Да и после сего раздела причислены к селу Архангельскому по указу Воронежской Казенной Палаты от 22 Мая 1837 года за № 6805-м проживавшие в имении г. Плещеевых 5 душ, и особо причислен Орловской губернии и уезда из села Тагина дворовый человек Александр Дунаев, итого составилось 869 душ.

С какого же времени существует на земле Студенецкой мельница и винокуренный завод, к селу Архангельскому принадлежащие, и кем из владельцев они выстроены, сведений по делам вотчинной конторы нет. Но принимая в соображение запись, данную 16 Сентября 1729 года села Студенца от жителя Ермолая Осипова-Комаревцева Полковнику

Богдану Григорьеву Скорнякову-Писареву, по коей отданы для построения мельницы в селе Студенце на речке Студенце берега. По описанию тех урочищ, на коих нынешняя мельница существует, делается вероятным, что берега те впоследствии были или куплены, или другим образом приобретены с землей навсегда. В сей мысли еще более утверждает вотчинный регламент села Архангельского, данный от Графа Чернышева, из коего видно, что завод тот существовал уже в 1757-м году».

Судя по тому, что село Скорняково досталось в конечном итоге потомкам Ивана Григорьевича Чернышева от второго брака, у майора Ивана Григорьевича Скорнякова-Писарева детей не было, и линия Скорняковых-Писаревых угасает.

Чего не скажешь о Девиерах.

«Кузен графа Владимира (Девиера — С. В.), граф Николай Александрович, внук дамы, на семь лет запертой в подземелье, был женат на Сабуровой, — писал князь Петр Долгоруков в своих знаменитых «Записках». — Я был знаком с его вдовой, которая проживала в качестве компаньонки у старой княгини Волконской, урожденной Мельгуновой (тетки фельдмаршала Волконского). Эта графиня Девьер была внешне безобразной и мужеподобной, что давало повод для игры слов весьма дурного свойства, которую просто невозможно здесь воспроизвести, вокруг ее фамилии. Она была более нежели провинциальной и скорее даже вульгарной, но очень умной и забавной, когда давала волю языку. Она слыла за сводню фельдмаршала Волконского, старца, беспутного в своих правилах. Дочь этой графини Девьер (Дарья Николаевна — С. В.) вышла замуж за генерала Бартоломея (Бальтазара-Людвига-Алексея Ивановича) и была бабкой с материнской стороны (женой генерал-лейтенанта барона Александра Андреевича Фредерикса — С. В.) барона Владимира Фредерикса, секретаря русского посольства в Лондоне».

Владимир Борисович Фредерикс — последний в истории министр Императорского Двора Российской империи (1897–1917); канцлер российских Императорских и Царских орденов; генерал от кавалерии, генерал-адъютант; граф (до 1913 года — барон).

Но согласно закону о жанре напоследок мы должны выстрелить и из второго «ружья», коли у нас два главных героя. И вот очередное «Девьеровское дело», о котором много говорили и писали в середине XIX века («Исторический вестник», 1888, т. 33, № 9).

ДЕВІЕРОВСКОЕ ДѢЛО.

АКЪ НАЗЫВАЕМОЕ «Девіеровское дѣло» возникло въ 1857 году по обоюднымъ жалобамъ помещика села Хорошева, Харьковскаго уѣзда, графа Александра Петровича Девіера и игумена Харьковскаго Хорошевскаго женскаго монастыря Антонины Чубаровой. Не важное по существу своему, это дѣло, постепенно обострилось и разразилось, наконецъ, до такой крайности, что въ формальной просьбѣ графа Девіера введено было на тогдашняго архіепископа харьковскаго Филарета Гумилевскаго тяжкое обвиненіе въ подкупѣ. Девіеровское дѣло въ свое время было предметомъ общаго вниманія, породило не мало комментаріевъ и сплетенъ въ обществѣ, стѣсило высокопреосвященному Филарету многихъ огорченій и, наконецъ, прекращено было въ слѣдующемъ 1858 году по высочайшему повелѣнію. Самъ архіепископъ Филаретъ просилъ перевести его въ какую-либо другую епархію и, дѣйствительно, по прекращеніи этого дѣла, переведенъ былъ на Черниговскую кафедру. Въ настоящее время мы имѣемъ подъ руками часть «Девіеровскаго дѣла» и нѣсколько писемъ высокопреосвященнаго Филарета къ разнымъ лицамъ по поводу этого дѣла и, на основаніи этихъ данныхъ, рѣшаемся познакомить читателей съ главными фазисами его развитія.

Дѣло открывается репортомъ игумена Хорошевскаго женскаго монастыря Антонины Чубаровой харьковскому архіепископу Филарету, отъ 31 августа 1857 года, съ жалобою на графа Александра Девіера. «Живущій вблизи Хорошева дѣвичьяго монастыря графъ Александръ Девіеръ, — писала игуменья Антонина, — съ братьями

своими дѣлами и въ прежнее время разными несправедливостями монастырю, наприкладъ: куривали сигары и пѣвали пѣсни у оградъ, пускали фейерверки. Увѣщанія и просьбы мои не приносили пользы. Въ послѣднее время Александръ Девіеръ довел свои несправедливые поступки до крайности. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ сманилъ у монахини Рахили племянницу ея, жившую нѣсколько лѣтъ въ кельѣ тетки, мѣщанку Татьяну, не пріукаженную, впрочемъ, къ монастырю. Происшествіе это возбудило въ сестрахъ обители сильную скорбь и смущеніе. Августа 29 числа Девіеръ явился съ одѣтою несправедливо, съ открытою талиєю; въ свѣтское платье Татьяною въ храмъ обители, тогда какъ въ селѣ Хорошевѣ есть приходскій храмъ. Мы съ казначеею послали благочинную покорнѣе просить его выйти изъ храма, такъ какъ стоианіе ихъ возмущаетъ сестеръ обители, тѣмъ болѣе, что они стояли несправедливо и смѣлились. Но Девіеръ не исполнилъ просьбы и закричалъ на благочинную—«пошла прочь, пошла прочь», послѣ чего мы вынуждены были постановить впереди ихъ рядами монахинь, чтобы закрыть ихъ отъ конныхъ, которымъ не приходилось еще и видѣть подобнаго соблазна. Послѣ литургіи сама я съ казначеею оставались еще въ храмѣ съ нѣкоторыми сестрами, какъ услышали по монастырю крикъ. Татьяна кричала Девіеру: «бей игуменню», а Девіеръ съ палкою въ рукѣ бѣгалъ и спрашивалъ «гдѣ?» осылая меня и сестеръ бранью. Затѣмъ входитъ къ намъ въ церковь благочинная и говорить все происшедшее, и мы съ казначеею принуждены были остаться въ церкви, пока они вышли изъ монастыря. Августа 30-го монахиня Рахиль пришла ко мнѣ со слезами, жалужься, что Александръ Девіеръ ударилъ ее въ щеку, отъ чего она даже и упала, кричала, что будетъ стѣбать въ монастырскихъ изъ ружья. Это было тогда, когда она шла съ монастырскаго огорода, гдѣ съ Рахилью было нѣсколько послушницъ. Что касается до меня, то по монашеской совѣсти говорю: Господь проститъ его. Но послѣдніе происшествія наведи ужасъ на всѣхъ, живущихъ со мною въ обители, и онѣ боятся выходить изъ келій, по страшнымъ угрозамъ Девіера».

Харьковская духовная консисторія, въ которую сдать былъ этотъ репортъ, уведомила о содержаніи его харьковское губернское правленіе. Послѣднее поручило ассесору своему, Нельзовскому, прозвѣсти слѣдствіе о поступкахъ графа Девіера; харьковское же епархіальное начальство назначило депутатомъ по сему дѣлу съ духовной стороны члена харьковской духовной консисторіи протоіерея Іоанна Шероцкаго.

Между тѣмъ, коллежскій регистраторъ, графъ Александръ Девіеръ, состоявшій чиновникомъ канцеляріи харьковскаго губернатора И. Д. Лужина, 11-го сентября того же 1857 года, подаль прошенія и харьковскому губернатору, и въ харьковскую духовную консисторію, съ жалобой на игуменню Хорошевскаго монастыря

Антонію, казначею монахиню Елисавету и благочинную монахиню Арсенію и другихъ лицъ за нанесеніе оскорбленія ему и женѣ его 29-го августа въ Хорошевскомъ монастырѣ. Въ прошеніи своемъ на имя консисторіи графъ А. Деніеръ писалъ, между прочимъ, слѣдующее: 29-го минувшаго августа я пошелъ съ женою своею въ Хорошевскій женскій монастырь къ обѣднѣ, и едва мы вошли въ церковь и стали на мѣстѣ съ приличнымъ снотости мѣста уваженіемъ, какъ казначей этого монастыря монахиня Елисавета, тотчасъ же насъ замѣтившая, стала бранить вслухъ жену мою самыми непристойными словами. Услышавъ это, я долго не вѣрвалъ самому себѣ и нѣсколько минутъ оставался въ какомъ-то непонятномъ забвеніи; но потомъ я не могъ не прійти въ себя, когда увидѣлъ, что благочинная монастыря монахиня Арсенія, по приказанію игуменши Антоніины Чубаровой, подошла къ женѣ моей и точно такъ же, какъ казначей Елисавета, начала бранить ее вслухъ. И, не смотря на скромныя просьбы мои отойти, она три раза подошла и снова повторила свою брань. Послѣ этого, почти безъ промежутка, игуменша и казначей, оставаясь, вѣроятно, недовольными нашимъ наружнымъ спокойствіемъ, сами произвели въ церкви смѣненіе и безчиніе, стали собирать нѣкоторыхъ монахинь, простыхъ женщинъ и монастырскихъ заточанокъ, изъ коихъ протянувъ цѣпь впереди насъ, приказали подавать насъ назадъ и вслѣдствіе стараться вытѣснить насъ изъ церкви, чего, однако же, онѣ не достигли, потому что мы продолжали стоять и молиться, хотя со всѣхъ сторонъ были тѣснены. По окончаніи же обѣдни, мы сѣвши выйти изъ церкви, боясь подвергнуться еще какимъ-либо неприятностямъ, между тѣмъ какъ онѣ, т. е. игуменша съ казначеей, не удовольствовавшись обидами, сдѣланными въ церкви, составили къ концу обѣдни новый планъ обидѣть насъ самымъ неслыханнымъ образомъ. Мы, не зная ничего о дальнѣйшихъ ихъ замыслахъ, выйдя изъ церкви, шли къ монастырскимъ воротамъ, за которыми, по приказанію игуменши, ожидали насъ дворникъ монастырскій и заточанка, съ двумя ведрами помыевъ. Только-что мы приблизились къ воротамъ, и жена моя, шедшая впереди, хотѣла войти въ нихъ, какъ дворникъ подавъ знакъ заточанкѣ, и та изъ ведра обдала жену мою съ головы до ногъ самыми гадкими помыями; а вслѣдъ за нею въ свою очередь подошелъ и я, но былъ облитъ изъ другого ведра такимъ же образомъ. Помои же, которыми насъ обдали, по приказанію игуменши, составляла въ корпусѣ, въ трапезной кухнѣ, монахиня Олимпіада, которая и учила заточанку, какъ облить насъ оными. Къ концу обѣдни заточанка съ помыи и дворникъ пришли къ воротамъ, гдѣ и ожидали насъ. Тамъ же, подлѣ воротъ, стоялъ мѣстныхъ жителей Тарасенковыхъ кучеръ, который спрашивалъ ихъ, для чего они принесли помои; на что они отвѣчали, что обливать такихъ-то, т. е. насъ, и на во-

прось его, что не будутъ ли они отъѣзжать за это, они сказали, что дѣлаютъ то, что имъ приказано. Это неслышанное оскорбленіе сдѣлано публично, при многихъ свидѣтеляхъ, которыхъ я укажу при слѣдствіи, о назначеніи коего я вошелъ куда слѣдуетъ съ подлежащимъ прошеніемъ». Въ заключеніе графъ Александръ Девіеръ просилъ харьковскую консисторію сдѣлать распоряженіе о немедленномъ удаленіи монахинь Антонины и Елисаветы отъ занимаемыхъ ими должностей, потому, между прочимъ, что,—какъ писалъ онъ,—«безъ удаленія ихъ отъ должностей нельзя надѣяться справедливыхъ показаній отъ подвѣдомыхъ имъ лицъ». Харьковская консисторія возвратила это прошеніе Девіеру, на томъ основаніи, что онъ не только не представилъ надлежащаго доказательства о своемъ бракѣ съ племянницею монахини Рахилы, но умолчалъ въ прошеніи и объ имени ея; но, затѣмъ, вслѣдствіе отношенія харьковскаго губернскаго правленія отъ 24 сентября 1857 г., предписала произвести, по жалобѣ Девіера, формальное слѣдствіе члену консисторіи, протоіерею Шероцкому, въ присутствіи депутата съ гражданской стороны.

Такимъ образомъ, почти одновременно возникли два дѣла: одно, по жалобѣ игуменьи Хорошевскаго монастыря Антонины Чубаровой о нанесеніи ей и монастырю оскорбленій графомъ А. Девіеромъ; другое—по жалобѣ графа Девіера на игуменью и другихъ начальствующихъ въ монастырѣ лицъ за нанесеніе ему, Девіеру, оскорбленій. Первое изъ этихъ дѣлъ, не смотря на различные проволочки, протесты и отводы со стороны графа Девіера, окончено слѣдствіемъ на мѣстѣ и само по себѣ не имѣло положительныхъ результатовъ. Свое обвиненіе противъ графа Девіера игуменья подтверждала свидѣтелями, противъ которыхъ Девіеръ выставилъ своихъ свидѣтелей, доказывавшихъ его невинность. Самъ Девіеръ въ своихъ показаніяхъ сознался только въ томъ, что года три-четыре тому назадъ меньшій, несовершеннолѣтній братъ его дѣйствительно пускалъ ракеты на своемъ дворѣ, въ разстояніи около версты отъ монастыря, и что онъ самъ, Александръ Девіеръ, 30-го августа, т. е. на другой день послѣ происшествія въ монастырѣ, имѣлъ встрѣчу въ селѣ Хорошеѣ съ монахиней Рахилей, которая будто бы обратилась къ его женѣ съ разными дерзкими словами, и вынужденъ былъ отстранить ее, приказавъ ей идти въ свое мѣсто, но не близъ ее. Что же касается другого дѣла по жалобѣ графа Девіера на игуменью Антонину, то оно постепенно осложнилось новыми жалобами и доносамъ Девіера, и при томъ не на игуменью только Антонину, но и на высокопреосвященнаго харьковскаго Филарета, и перешло, наконецъ, въ высшія инстанціи. На этомъ дѣлѣ собственно мы и остановимся и укажемъ важнѣйшіе его фазисы и внутреннюю его подкладку.

Получивъ свѣдѣніе, что слѣдствіе по жалобѣ на игуменью Ан-

товину поручено произвести протоіерею Шероцкому, въ присутствіи депутата съ гражданской стороны, мѣстнаго станового пристава, — графъ Александръ Девіеръ пошелъ въ харьковскую консисторію, отъ 7 октября, съ новымъ прошеніемъ, въ которомъ, высказывая недоувѣріе къ духовному слѣдователю, кто бы онъ ни былъ, просилъ консисторію «сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы слѣдствіе, какъ по его жалобѣ, такъ и по рапорту игуменьи Чубаровой, въ предупрежденіе запутанностей, было произведено одно, двумя слѣдователями вмѣстѣ, т. е. гражданскимъ и духовнымъ, и, для большей строгости и справедливости, при участіи жандармскаго оберъ-офицера. Эта просьба графа А. Девіера не была уважена консисторіей, и началось слѣдствіе, которое съ перваго же разу не предвѣщало ничего неблагопріятнаго для графа Девіера. На первый письменный запросъ слѣдователей игуменьи Антонина отбѣчала имъ, что если бы и дѣйствительно нанесена была графу кѣмъ-либо обида, то это сдѣлано совершенно безъ ея вѣдома. При дальнѣйшемъ же ходѣ слѣдствія, свидѣтельскими показаніями подтверждалось, что дѣйствительно графъ Девіеръ и его жена облиты были у монастырскихъ воротъ заточанкою; но по чьему приказанію это сдѣлано, — осталось невыясненнымъ. Однако, графъ Девіеръ, не дожидаясь результатовъ слѣдствія, подалъ въ св. Синоду два прошенія, изъ коихъ въ одномъ, отъ 13 ноября 1857 г., жаловался на харьковскую консисторію на возвращеніе ею его просьбы съ надписью, безъ удовлетворенія, а въ другомъ, отъ 20-го того же ноября, просилъ св. Синоду постановить опредѣленіе какъ о соединеніи въ одно двухъ слѣдствій по обоимъ жалобамъ его графа на игуменью Антонину и этой послѣдней на него графа, такъ и о командированіи къ этому слѣдствію жандармскаго офицера, равно и объ удаленіи игуменьи и назначеніи изъ монастыря на время производствъ слѣдствія. Эти прошенія, при указанъ св. Синода отъ 31 декабря того же года, препровождены были къ высокопреосвященному харьковскому Филарету, для доставленія, по содержанію ихъ, надлежащихъ свѣдѣній св. Синоду. Независимо отъ сего, графъ А. Девіеръ 11-го декабря того же года обратился съ просьбой къ г. шефу жандармовъ князю Долгорукову о назначеніи къ слѣдствію жандармскаго офицера, при чемъ приложилъ къ просьбѣ особую секретную записку. Шефъ жандармовъ назначилъ корпуса жандармовъ генералъ-майора Богдановича состоять при означенномъ слѣдствіи и просилъ харьковского губернатора допустить г. Богдановича къ сему слѣдствію. Но Богдановичъ, кажется, ограничился только ознакомленіемъ съ дѣломъ и не участвовалъ въ дальнѣйшемъ производствѣ слѣдствія. Не получая никакого свѣдѣнія по сему предмету ни отъ св. Синода, ни отъ оберъ-прокурора св. Синода, архіепископъ Филаретъ молчалъ нѣкоторое время по полученіи сообщенія губернскаго правленія о прикомандированіи генерала Богдановича къ слѣдствію и затѣмъ

написалъ къ харьковскому губернатору, что безъ разрѣшенія Синода консисторія затруждается допустить, кромѣ депутата, еще жаловарскаго чиновника при производствѣ слѣдствія надъ духовными лицами. На домогательство г. Богдановича, чтобы оба дѣла соединить при слѣдствіи, харьковская консисторія подтвердила свое прежнее постановленіе, что противно законамъ соединить два дѣла, разные по предмету и подлежащіа разбирательству двухъ разныхъ начальствъ, и, наконецъ, чрезъ высокопреосвященнаго Филарета представила этотъ вопросъ на разрѣшеніе св. Синода.

Между тѣмъ, графъ А. Девіеръ 14-го февраля 1858 года подалъ въ харьковскую консисторію прошеніе о прекращеніи заведеннаго по его жалобѣ на игуменью Антоніну слѣдствія. «Сомнѣвался въ томъ, — писалъ графъ Девіеръ, — что обида нанесена мнѣ съ вѣдома игуменни, не желаю продолжать эту тяжбу, почему всеподданнѣйше прошу, дабы повелѣно было прошеніе сіе принять и заведенное мною по вышеозначенному предмету дѣло по жалобѣ моей производствомъ прекратить и предать его вѣчному забвенію, такъ какъ и обиду свою прощаю и вести далѣе искъ не намѣренъ». Консисторія постановила прекратить дѣло по жалобѣ Девіера, вслѣдствіе мировой его сдѣлки; но оставалось для консисторіи въ проше-водствѣ прекратить и предать его вѣчному забвенію, значеніе происшествія, тѣмъ болѣе, что 4-го февраля 1858 года получена была высокопреосвященнымъ Филаретомъ отъ г. губернскаго предводителя дворянства секретная записка, поданная ему тѣмъ же графомъ Девіеромъ, о совершающихся злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ игуменіею Хорошевскаго монастыря Антоніною и кан-ничеею Елисаветою. По поводу этой записки, высокопреосвященный Филаретъ предписалъ члену консисторіи протоіерею Голяховскому и благочинному Люботинскому Григорію Томашевскому «сдѣлать строжайшее и самое безпристрастное дознаніе по всѣмъ пунктамъ сей записки и провѣрить свѣдѣнія записки справками съ докумен-тами и вѣрными свѣдѣніями, гдѣ бы они ни были; что окажется, — писалъ высокопреосвященный Филаретъ, — довести мнѣ безъ всякой утайки, не принимая ни на совѣсть, ни на честь свою ничего. Такъ какъ пунктъ о приписываемомъ злоупотребленіи сумками требуетъ немедленнаго освидѣтельствованія, то о. протоіерей Голяховскій немедленно отправится въ монастырь, не ожидая прибытія благочиннаго изъ села Люботина, который въ свое время дозволить повѣрку».

Мы не имѣемъ подъ руками секретнаго дознанія протоіерея Голяховскаго и благочиннаго Томашевскаго о злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ игуменіи Антоніны и канничее Елисаветы; но изъ черновыхъ писемъ высокопреосвященнаго Филарета можно видѣть, что изводямыя на нихъ обвиненія не были совершенно неснова-тельными. Къ тому же и оскорбленіе, нанесенное графу Девіеру въ

монастырѣ, къ тому времени уже достаточно подтвердилось слѣдствіемъ. «Что касается до Хорошевскаго монастыря,—писалъ высокопреосвященный Филаретъ къ одному изъ членовъ св. Синода,—старался и дѣйствовать на него для спасенія души. Теперь вижу, что игуменія не стояла того довѣрія, которымъ пользовалась; но довѣрять ей по тѣмъ убѣжденіямъ совѣсти, какія имѣла, а не въ оскорбленіе совѣсти. Гдѣ же найти людей, которые, по сознанию или безъ сознанія, не обманывали бы болѣе или менѣе довѣріе начальства?» Въ другомъ письмѣ своемъ къ синодальному же члену высокопреосвященный Филаретъ писалъ слѣдующее: «По всѣмъ свѣдѣніямъ, формальнымъ и частнымъ, экономическое устройство обители и въ частности общежитія, при всей скудости средствъ, въ примѣрно-исправномъ состояніи. Бывшіе нравственные беспорядки, особенно своеобразныя отлучки изъ монастыря молодыхъ послушницъ и монахинь, рѣдкое посѣщеніе ими богослуженія, частый пріемъ въ кельи свѣтскихъ лицъ, заставляли ее быть строгою. Послѣ же послышанна мною въ монастырѣ довѣренныя лица утѣрились, что игуменія Антонина, при всей своей благонамѣренности, не оказывала материнской мягкости въ обращеніи съ сестрами и болѣе дѣйствовала властію; то считаю должнымъ удалить ее отъ управленія обителью, помимо дѣла о Девіерѣ. И, дѣйствительно, «распоряженіемъ отъ 27-го февраля монахиня Хорошевскаго монастыря Антонина и Елисавета уволены отъ должностей игуменія и казначей и имъ назначено жить до времени въ Верхо-харьковскомъ Николаевскомъ монастырѣ, въ 50 верстахъ отъ Харькова.

Но въ то время, какъ, повидимому, улегалась буря, поднятая Хорошевскимъ происшествіемъ, и принимала болѣе мирный и, такъ сказать—домашній характеръ,—графъ Девіеръ снова и съ большимъ ожесточеніемъ возбудилъ дѣло, имъ самимъ прекращенное, и на этотъ разъ бросилъ рѣшительное обвиненіе и на самого высокопреосвященнаго Филарета. 20-го февраля, 1858 года, графъ А. Девіеръ подалъ въ Харьковскую духовную консисторію прошеніе о возобновленіи слѣдствія по жалобѣ его и жены его на игуменію Антонину и казначею Елисавету, при чемъ обвинялъ въ подкупѣ высокопреосвященнаго Филарета. «Нѣсколько дней назадъ,—писалъ Девіеръ въ этомъ прошеніи,—прибылъ ко мнѣ въ домъ одинъ извѣстный мнѣ человекъ, котораго въ случаѣ необходимости поименую, съ убѣдительными, но его пошитою, предложеніями отъ имени здѣшняго г. архіепископа Филарета—кошчить миромъ введенное мною дѣло о жестокихъ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ мнѣ и женѣ моею игуменіею Хорошевскаго женскаго монастыря Антониною и казначею Елисаветой. Но, такъ сказать, ибѣнецъ убѣжденія былъ не въ устахъ посредника, а въ тысячѣ пяти стахъ рублѣхъ серебромъ, которые онъ и предложилъ отъ имени его высоко-

пресвященства». Выразивъ свое согласіе на мировую и принявъ предлагаемыя деньги,—такъ какъ «пріятно воспользоваться ошибкою протавника, употребивъ ее на что либо благое»—графъ А. Девіеръ, однако же, просилъ консисторію продолжать начатое по его жалобѣ дѣло, на томъ основаніи, что 1) дѣла о предосудительныхъ и уголовныхъ поступкахъ монашествующихъ лицъ, на основаніи 919 статьи по 6-му продолженію XV тома свода законовъ уголовныхъ, не прекращаются даже послѣ заключенія мировыхъ сдѣлокъ; 2) что онъ Девіеръ могъ помириться только за себя, а за жену свою не имѣетъ права и не желаетъ, и 3) сдѣланное ему, Девіеру, предложеніе ясно доказываетъ вину и отвѣтственность игумена и казначей и особенное покровительство имъ мѣстнаго архіепископа. «Впрочемъ,—прибавлялъ графъ Девіеръ,—если г. архіепископу Филарету угодно будетъ находящіяся у меня принадлежащія ему полторы тысячи рублей серебромъ употребить по собственному усмотрѣнію, то я обязуюсь представить ихъ при особомъ прошеніи въ духовную консисторію». Единоразовно съ симъ и жена графа Девіера подала въ консисторію прошеніе о продолженіи дѣла и заявила, что она съ своей стороны, будучи такъ же обижена, какъ и мужъ ея, не только своей законной претензіи не прекращаетъ, но напротивъ того возобновляетъ ее съ самымъ твердымъ, ничѣмъ непоколебимымъ намѣреніемъ никогда не прекращать мировую, «на что даже,—писала она,—лишаю себя права, такъ какъ сдѣланными мнѣ оскорбленія до того велики, что даже лишили меня здоронья».

Оба эти прошенія, очевидно, направлены были уже не столько противъ игумена Антоныя и казначей Елисаветы, сколько противъ самого высокопреосвященнаго Филарета, такъ какъ судьба игумена и казначей во время подачи этихъ прошеній уже предрѣшена была, и черезъ недѣлю онѣ уже уволены были отъ должностей своихъ, и слѣдовательно искъ Девіеровъ долженъ бы прекратиться самъ собою, если бы онъ имѣлъ въ виду только этихъ двухъ монаховъ. Внутренній, тайный смыслъ этихъ прошеній хорошо поняли какъ харьковская духовная консисторія, такъ и высокопреосвященный Филаретъ. Консисторія возвратила Девіеру прошеніе, «какъ наполненное поносительными и укорительными словами», а высокопреосвященный Филаретъ увидѣвъ въ этомъ прошеніи тяжкую для себя обиду и оскорбленіе и просилъ защиты и у харьковского губернатора, и у оберъ-прокурора св. Синода графа А. П. Толстого, и у оберъ-прокурора св. Синода и особенно с.-петербургскаго митрополита Григорія.

Впрочемъ, въ извѣщеніе графа Девіера нужно замѣтить, что тайною пружиною всего дѣла былъ не онъ самъ, а отставной чиновникъ Наполовъ, на котораго собственно и жаловался, высокопреосвященный Филаретъ. «Несомнѣнно,—пишетъ владыка—что г. Девіеръ, какъ малограмотный, не въ состояніи былъ сочинить

интроспективной бумаги съ оскорбленіями для моей личности; увѣренъ и въ томъ, что Деніеръ самъ по себѣ не злой человѣкъ, но при слабости своей послушное оружіе другого. Этотъ другой—никто другой, какъ оставшій чиновникъ Наполовъ, бывшій подъ судомъ, не принадлежавшій Харьковской губерніи, человѣкъ, какъ знаю его и по дѣламъ консисторіи о сестрахъ его и по личному сношенію, бывающій по временамъ вовсе ;заступленнымъ и полусумасшедшимъ, но постоянно злобный и съ страстію къ изобидчивству, готовый всегда только на то, чтобы возмущать край злыми толками и избедами. Отъ него терпѣю я уже пятый годъ всякаго рода оскорбленія только потому, что по наступившей злобѣ мстить онъ за сестеръ своихъ, жившихъ въ Хорошевѣ монастырѣ, о которыхъ производилось дѣло въ консисторіи. Еще два года тому назадъ жаловался я на Наполова мѣстному жандармскому офицеру и, подробно объяснивъ дѣла Наполова, просилъ оградить меня отъ злобнаго канзуника; но г. Богдановичъ, наставлявъ много общинамъ, не сдѣлалъ ничего». «Въ августѣ прошлаго года,—писалъ архіепископъ Филаретъ митрополиту Григорію,—случилось несчастное происшествіе въ Хорошевѣ монастырѣ. Никто графъ Деніеръ, живущій въ хуторѣ близъ Хорошева монастыря, сманилъ изъ монастыря послушницу мѣщанку и, женившись на ней въ другой губерніи, явился съ бывшею послушницею въ монастырскомъ храмѣ, а при выходѣ изъ монастыря былъ кѣмъ-то облитъ помоями. Оскорбленный Деніеръ началъ процессъ объ обидѣ. Это дѣло въ порядкѣ. Деніеръ самъ по себѣ не злой, да и малограмотный. Наполовъ съ наступленною злостію взялся вести и водить за него дѣло. Мало и того. Къ формальной бумагѣ, поданной въ Петербургѣ, приложена, — какъ теперь слышу, — записка съ гнусными клеветами и противъ меня. Деніеръ, помимо вѣдѣнія Наполова, подалъ мирное прошеніе въ консисторію. Наполовъ, узнавъ о томъ, заставилъ Деніера подать просьбу о продолженіи иска, съ оскорбленіями и противъ меня. За что дѣло о монастырѣ опрокидывается противъ меня, право, не понимаю. Въ дѣлѣ объ обидѣ консисторія употребляетъ стараніе вести его законно и безпристрастно. Съ Суводъ можете видѣть, вытребовать все дѣло на свое усмотрѣніе. Если дѣло дѣлится шесть мѣсяцевъ; то это только къ скорбимъ моимъ и уже вовсе не пожеланію моему. Оно запутывается болѣе и болѣе отъ разныхъ просьбъ Деніера. Для Деніера лично не дѣлалъ и не пріятнаго. Онъ подавалъ ко мнѣ просьбу, прося разрѣшенія жениться на бывшей послушницѣ. Но я ему объяснилъ лично, что такъ какъ бывшая послушница не была даже пріюжана къ монастырю, то не имѣетъ нужды въ моемъ разрѣшеніи на вступленіе въ бракъ, если желаетъ вступить».

Во всякомъ случаѣ, высокопреосвященный Филаретъ видѣлъ въ прошеніи Деніера крайнюю дерзость и тяжкое оскорбленіе себѣ,

справедливо опасался подрыва своего авторитета въ епархіи и потому рѣшился предпринять 'противъ клеветника рѣшительныя мѣры. 21-го февраля, 1858 г., секретно и конфиденціально онъ просилъ харьковскаго губернатора употребить зависящія отъ него мѣры къ обузданію и огражденію его личности отъ столь наглыхъ оскорбленій, и именно: 1) допросить г. Девіера, кто сочинилъ и пишетъ ему просьбы; 2) допросить чиновника уголовной палаты Богуславскаго, писавшаго просьбу о прекращеніи иска, — какъ происходило дѣло примиренія, кто участвовалъ въ немъ; 3) если возможно, секретнымъ распоряженіемъ чрезъ довѣреннаго чиновника, но никакъ не жандармскаго, отобрать всѣ (ябдическія) бумаги у отставнаго чиновника Наполева, писанныя имъ на Девіерова, и затѣмъ поступить по усмотрѣнію. По секретному дознанію г. губернатора открылось, что примиреніе Девіера совершалось помимо всякаго участія архіепископа Филарета. «По секретному разслѣдованію губернатора дознано, — писалъ высокопреосвященный Филаретъ митрополиту Григорію, — кто давалъ деньги, кто и кѣмъ былъ посылаемъ къ Девіеру, «что ни въ томъ, ни въ другомъ дѣлѣ вовсе не былъ я причастнымъ». Получивъ частнымъ образомъ извѣстіе о результатахъ разслѣдованія, высокопреосвященный Филаретъ секретно и конфиденціально просилъ харьковскаго губернатора, не найдетъ ли онъ возможнымъ, «по правамъ начальника губерніи, секретнымъ распоряженіемъ немедленно удалить Наполева изъ Харьковской губерніи, какъ неприслужающаго къ ней и зловерднаго для спокойствія» върешной его смотрѣнію губерніи. Но харьковскій губернаторъ отъ 28-го февраля 1858 года извѣдомилъ высокопреосвященнаго Филарета, что «такъ какъ назначеніе формальнаго разслѣдованія по дѣламъ такого рода не зависить непосредственно отъ мѣстнаго начальства, а отъ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ, по предварительномъ сложеніи онаго съ св. Синодомъ, то о такомомъ ходатайствіи вашему мною донесено г. министру внутреннихъ дѣлъ и сообщено г. оберъ-прокурору св. Синода графу Толстому на зависящее распоряженіе».

Такой оборотъ дѣла еще болѣе смутилъ высокопреосвященнаго Филарета, такъ какъ дѣло доводилось до высшаго начальства и могло быть представлено въ неблагопріятномъ для высокопреосвященнаго свѣтѣ. Съ этого времени начинается оживленная переписка высокопреосвященнаго Филарета съ членами и оберъ-прокуроромъ св. Синода по этому дѣлу. Приводимъ изъ нея два отрывка изъ писемъ архіепископа Филарета къ оберъ-прокурору св. Синода, графу А. П. Толстому.

Въ письмѣ, писанномъ послѣ 22-го февраля 1858 года, высокопреосвященный Филаретъ, сообщая объ отношеніи своемъ къ харьковскому губернатору съ просьбой сдѣлать дознаніе по поводу извѣстной на него клеветы, — писалъ далѣе слѣдующее: «О семъ ва-

шнему сѣятельству за долгъ считаю сообщить и усерднѣйше прошу вашего содѣйствія къ огражденію меня отъ насилій злобы. Не могу объяснить себѣ, наглою клеветой, введенной на меня въ формальной бумагѣ, чѣмъ-либо инымъ, какъ домогательствомъ инквизиторамъ, особенно же отставшого чиновника Наполеова, дѣлающаго всё дѣла на Дениера и злобствующаго противъ меня за дѣло о страхѣ его, произведшиишееся въ консисторіи, какъ бы то ни было очернить меня предъ высшимъ начальствомъ и тѣмъ выгнать меня изъ харьковской епархіи. По совѣсти, какъ предъ Господомъ говорю, что для епархіи всеми силами старался я быть полезнымъ. Какіе получаю и доходы, употреблялъ то на духовное дѣвичье училище, то на общежитіе Хорошевскаго монастыря, то на страннопріимный домъ, то на домъ архіерейскій, такъ что, если бы пришлось мнѣ завтра выѣхать изъ Харькова, мнѣ не съ чѣмъ было бы выѣхать. Много скорбей стоило мнѣ устроить общежитіе въ Хорошевѣ монастырѣ, и вотъ года три все было пришло въ порядокъ и настала тишина. Но случилось это несчастное дѣло объ оскорбленіи Дениера, и тотъ, кто давно ждалъ подобнаго случая, ухватился за него всеми силами. Теперь и въ монастырѣ, чѣмъ болѣе дѣлается дѣло объ обидѣ, тѣмъ болѣе все разстроивается. И меня лично это несчастное дѣло до того, наконецъ, отяготило и разстроиваетъ здоровье души и тѣла, что не былъ бы недовольнымъ, если бы назначена была мнѣ другая епархія. Жаль только того, что учрежденіи мои, стоншии мнѣ много трудовъ и заботъ (дѣвичье училище, общежитіе хорошевское, страннопріимный домъ) могутъ остаться безъ прежняго призора злобы. Да будетъ воля Божія во всемъ! Ходъ всего хорошевскаго дѣла, дошедшаго, наконецъ, до такой крайности, подробно излагаю для вашего сѣятельства секретарь консисторіи. Съ своей стороны за долгъ считаю присовокупить, что г. жандармскій генералъ-майоръ Богдановичъ дѣйствуетъ съ очевиднымъ пристрастіемъ къ Дениеру и съ очевиднымъ нерасположеніемъ къ Хорошевскому монастырю. Еще до начала несчастнаго дѣла объяснял я ему, каковы дѣла Наполеова по Хорошеву монастырю, и просилъ возможной защиты его отъ Наполеова; но и послѣ того, хорошо зная то, что Дениеръ—не болѣе, какъ орудіе Наполеова, онъ не только вѣрнѣе Дениеру, но домогается достигать всего того, чего пожелаетъ Дениеръ, или, точнѣе, Наполеовъ. Потому ваше сѣятельство оказали бы великое благоудіе для харьковской консисторіи, если бы благоволили употребить свое ходатайство объ уклоненіи генералъ-майора Богдановича отъ присутствія при слѣдствіи о хорошевскомъ происшествіи. И это было бы, какъ думаю, согласно и съ ходомъ дѣла. Г. Богдановичъ прикомандированъ къ слѣдствію по жалобѣ Дениера на личную свою обиду. Искъ удовлетворенія за личную обиду прекращается мировою сдѣлкой. Остается для консисторіи въ происшествіи хо-

рошевскомъ разсмотрѣть и обсудить нравственное значеніе происшествія; но это уже дѣло консисторія, до котораго нѣтъ дѣла Девіеру, а слѣдовательно и г. Богдановичу. Какъ вслѣдствіе сей просьбы, такъ и во многихъ другихъ слѣдствіяхъ, посылаемы были мною и духовныя и разныя другія лица, для дознанія и увѣщаній. И послѣ того не остается сомнѣнія, что главною причиною безпокойствъ и востроеній монастыря есть медленность дѣла, начавшагося по жалобѣ г. Девіера на монастырь, дающая просторъ возмутительнымъ толкамъ злонамѣренныхъ и легкомысленныхъ людей. Предлагаю консисторіи: а) предписать, дабы слѣдователь немедленно отправился для собранія слѣдствій, не достающихъ къ дѣлу по жалобѣ Девіера на совершившіяся будто бы преступленія въ монастырѣ, при чемъ имѣлъ бы въ виду, что дѣло о личной обидѣ г. Девіера и жены его окончено мировою просьбою его о прекращеніи иска за обиду, почему всякое внимательство его, какъ обиженнаго, не должно имѣть мѣста въ дѣлѣ; б) просить губернскаго правленія, дабы предписало своему депутату немедленно явиться для участія при производствѣ слѣдствія о преступленіяхъ, соединенныхъ съ обидами Девіера и жены его; в) такъ какъ по слѣдственному дѣлу, представленному протоіереемъ Шероцкимъ въ копіи, видно, что г. Девіеръ то уклонился отъ отвѣтовъ, то вовсе не явился къ слѣдствію, такъ что отъ того происходила проволочка и остановка дѣла, и на него же протоіерей Шероцкій уже предъявлялъ жалобу слѣдователю, что онъ въ отвѣтахъ своихъ помѣщаетъ много неотносящихся къ дѣлу; то просить губернскаго правленія, дабы учинено было должное распоряженіе и по сему поступкамъ г. Девіера». Въ другомъ письмѣ своемъ къ синодальному оберъ-прокурору, писанномъ, вѣроятно, послѣ 28-го февраля 1858 года, высокопреосвященный Филаретъ просилъ его употребить свое ходатайство, гдѣ слѣдуетъ, объ удаленіи Наполова изъ харьковской епархіи, или же о перемѣщеніи самого высокопреосвященнаго на другую епархію. «Господа ради прошу ваше сіятельство,—писалъ архіепископъ Филаретъ,—или изъяснить харьковскую епархію отъ Наполова, или безъ промедленія времени указать мнѣ другое мѣсто служенія, но не оставлять меня безъ защиты и на поруганіе злымъ людямъ, отъ которыхъ и безъ того много терпѣлъ и безвинно».

Въ Петербургѣ дѣло восходило на высочайшее усмотрѣніе государя императора, который высочайше повелѣть соизволилъ—дальнѣйшее производство слѣдственныхъ дѣлъ, возникшихъ по обоимъ жалобамъ графа Девіера и игумена Хорошевскаго монастыря прекратить, съ тѣмъ, чтобы онъ, Девіеръ, какъ подававшій оскорбительныя на высокопреосвященнаго Филарета бумаги и собственнымъ сознаніемъ уличенный въ оклеветаніи высокопреосвященнаго Филарета, по усмотрѣнію начальника губерніи, выславъ

былъ изъ губерніи на три мѣсяца, или обязанъ былъ, въ теченіе этого времени, не выѣзжать никуда изъ харьковскаго своего имѣнія, и 2) чтобы игуменья Хорошевскаго монастыря Антонина, хотя и не обнаруживается вполне ея виновности во всѣхъ жалобахъ, поданныхъ графомъ Девіеромъ, но такъ какъ самые поводы къ жалобамъ симъ, при потребномъ со стороны ея благоразуміи, не могли бы имѣть мѣста, устранена была отъ должности и переведена на жительство въ другой монастырь. Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія и относящихся къ сему предмету дѣлъ канцеляріи св. Синода, св. Синодъ, между прочимъ, постановилъ: «устраненныхъ отъ должностей игуменью Антонину и казначею Елисавету, такъ какъ первая изъ нихъ обличается въ излишней строгости съ сестрами Хорошевскаго монастыря и въ весьма скудномъ содержаніи ихъ столомъ, обѣ же въ неправильномъ веденіи отчетности въ монастырскихъ суммахъ и въ частыхъ отлучкахъ изъ монастыря,—то, отрѣшивъ ихъ вовсе отъ означенныхъ должностей, съ тѣмъ, чтобы онѣ и впредь къ таковымъ не были опредѣляемы, предоставить имъ, монахинямъ Антонинѣ и Елисаветѣ, избрать для жительства какіе-либо иные монастыри внѣ Харьковской губерніи». Объ этомъ дано было знать высокопреосвященному Филарету указами св. Синода отъ 30-го мая 1858 г., за № 4703, и отъ 29-го ноября того же года, за № 1523. Самъ высокопреосвященный Филаретъ, по прекращеніи дѣла, вызванъ былъ въ С. Петербургъ для присутствованія въ св. Синодѣ и затѣмъ уже переимѣненъ былъ на Черниговскую епархію.

II.

**КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡**

С. И. ВАХРИН

**КОМАНДИРЫ
ОХОТСКО-КАМЧАТСКОГО КРАЯ**

СКОРНЯКОВ-ПИСАРЕВ

ДЕВИЕР

ООО «Свое издательство»

199053, Санкт-Петербург,

ул. Репина, 41

(812) 900-21-45

isvoe.ru

editor@isvoe.ru

Заказ № 1987

Подписан в печать 26.02.2018

Тираж 100 экз.